

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТУРЕЦКОГО

ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ

Вспомнить
себя

Фридрих Евсеевич Незнанский

Вспомнить себя

Серия «Возвращение Турецкого»

Текст книги предоставлен «КРПА Олимп»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169307

*Незнанский Ф. Е. Вспомнить себя: Роман: АСТ, Олимп, Харвест; М.,
2007*

ISBN 978-5-17-045655-0, 978-5-7390-2086-4, 978-985-16-4047-4

Аннотация

«Вспомнить себя» – логическое продолжение романа «Забыть и выжить».

Расследование энергетического кризиса в южном городе продолжается. Преступление, в результате которого в городе более суток не работали морской порт, заводы, вся система городского хозяйства, не говоря о частном секторе, лишенном электричества, расследуют Турецкий и Плетнев. Их категорическое неприятие друг друга не мешает, тем не менее, трудиться рука об руку. К тому же у обоих завязываются романтические отношения с теми женщинами, которые помогают следствию. Разыскивая заказчика и исполнителя, Турецкому удастся помочь найти следы утерянной памяти своему случайному знакомому.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	14
Глава вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Вспомнить себя

Пролог

«НИКОМУ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ ЭТО...»

Это уголовное дело свалилось на голову Александра Борисовича в буквальном смысле словно снег на голову. И не хотел, а пришлось заниматься...

Помниться, писал где-то в семидесятых годах прошлого века хорошо известный тогда молодому еще Саше Турецкому покойный нынче поэт Григорий Поженян:

И нагрянули вдруг холода
в середине зеленого лета.
Никому не понравилось это.
Но никто не ушел никуда.

Романс потом он слышал, мелодия которого была положена на эти стихи. А пела, кажется, Елена Камбурова, прекрасная певица его молодости...

Да, так оно и случилось: что называется, один к одному. И

жаркое лето, и глубокое разочарование, подобное ледяному порыву ветра. Но с единственной, существенной разницей: а вот он взял и ушел, никому ничего не сказав, – на кулички ушел, на все четыре стороны, к чертям собачьим, – лишь бы не видеть испуганных глаз Ирины, которую он застал в квартире этого сукина сына, Антона Плетнева, и не лицезреть его растерянной физиономии. В которую он, при всем своем огромном желании, так и не сумел путем «вмазать» добротную оплеуху. По причине того, что сам едва держался на ногах – не столько от переполнявшего его гнева и презрения к ним обоим, сколько от количества алкоголя, выпитого в одиночестве в ожидании появления добродетельной, мать ее, супруги! Ну да, а чем же еще мог заняться вернувшийся из загранкомандировки муж, не обнаруживший дома жену, как не целенаправленным, тотальным опустошением собственного бара?

Но все это теперь уже пустое. Объяснения не требуются. А сынишка Антона, наглый, между прочим, парнишечка девяти лет отроду, и сам его папаша в последнее время как бы переселились в квартиру сердобольных Турецких. Так ведь удобно же – центр, а не их окраина! Тем более что дочь Нинка – в Кембридже, в колледже, комната ее пуста, а тут у Ирины, что, конечно, тоже понять можно, воскресли еще не до конца реализованные в жизни материнские чувства. Ладно, то, что Васька прижился, в конце концов, где-то даже естественно, – у Ирки выкидыш случился, когда

узнала из телевизора, что ее Шурик, муж то есть, вместе с Денисом Грязновым погибли при взрыве бомбы террористки. Бог с ними, с материнскими чувствами, как, впрочем, и с ее нескончаемыми опытами психологической релаксации ребенка, отставшего в своем развитии по причине трехлетнего пребывания в детском доме. Правда, особого «отставания» Александр Борисович как-то не замечал, но женщине со справкой об окончании высших курсов по изучению применения методов психологии в практике расследований уголовных дел, разумеется, «виднее»! Где уж тут спорить?!

Все. На этом – точка! Дал по морде – хорошо ли, плохо, – теперь не важно. Послал всех и ушел, никому ничего не сказав. Точнее, сел в поезд и уехал к последней своей, живой еще, к счастью, родственнице – тете Вале, в Новороссийск. Тем более что из Генеральной прокуратуры уволили по состоянию «нездоровья», а в почти родной прежде «Глории» после гибели Дениса стало тошно не то что работать – дышать. Особенно когда у тебя Антон, этот начинающий, «великий сыщик», целый день перед глазами – со своими элементарными вопросами. Да пошли они все... Хотя ребята ни в чем перед Сашей не виноваты, это – факт, и они прекрасно его понимали.

Ладно, в конце концов, худо-бедно, до тетки он добрался, с приключениями, не без этого. И, что даже не странно, с ходу дело себе нашел. Действительно, и по профилю, и по душе. Словом, так сложились обстоятельства, а он не стал

им препятствовать.

Как раз в день приезда город больше, чем на сутки, погрузился в полную темноту: авария с электричеством. Ну и пришлось провести ночь на садовой скамейке, в обществе странного бомжа. А тот оказался, как понял из разговора с ним Александр Борисович, определенно кем-то из бывших сотрудников органов. Во всяком случае, наверное, не зря его «коллеги» звали Полковником. И диагноз его, как понял Турецкий, оказывается, не такая уж редкость в наши дни – биографическая амнезия. То есть потеря памяти в той части, которая относилась к прошлому и настоящему данного индивидуума. Он не помнил решительно ничего из своей биографии, вплоть до собственного имени. Придумали: полковник Володя, вот он и откликнулся. И ведь не стар еще, лет шестьдесят, может, чуть больше, короче говоря, молодой пенсионер. Явный интеллигент – вежливый, корректный, но... удивительное дело, человек, осознающий свое общественное, так сказать, «ничтожество» и смирившийся с этим положением. Вот в этом пункте мнения Александра и Володи категорически расходились. Лягушка, провалившаяся в жбан с молоком, должна дрыгать лапками, пока под ними не окажется твердая масляная масса, а не булькать, захлебываясь. Так считал Турецкий, относя сей философский постулат и к себе самому.

Володя же принял удар судьбы и смирился с ним, как смирилась с фатальным предопределением немалая часть на-

селения страны, образовавшая даже и не прослойку, вроде недавней еще советской интеллигенции, а, считай, целый класс людей Без Определенного Места Жительства.

Собственно, этими причинами и было продиктовано личное решение Александра во что бы то ни стало найти «пропавшую биографию», вернуть ее хорошему человеку.

К внешним неприятностям добавились и внутренние: теть Валя, родная душа, «загудела» в больницу по своим «сердечным делам». Правда, опять же, как говорят, нет худа без добра. Где-то читал или слышал Александр, – приписывают этот афоризм, во всяком случае, Гете, – что из каждого свинства всегда можно вырезать кусочек ветчины. Так и здесь получилось. Во-первых, в больнице Турецкий познакомился с ухажером родной тетки, Сергеем Ивановичем, оказавшимся классным мужиком, бывшим водолазом. А во-вторых!.. Но это – уже особый разговор.

Заведующей кардиологическим отделением была совершенно изумительная молодая женщина, с такими глубокими омутами глаз, что Саша, верный своим принципам не оставлять без внимания подлинную красоту, чуть было не утонул в них. А спасся лишь потому, что в последний момент успел-таки ухватиться за потрясающие ножки Капитолины Сергеевны, – Капы или Лины, в зависимости от ее настроения в данную минуту.

Но главное заключалось в том, что его неожиданная спасительница, как выяснилось в первую же ночь их максималь-

но близкого знакомства, сама была безмерно счастлива по причине открывшейся перед нею возможности оказать не только моральную, но и всестороннюю физическую помощь человеку, который был ей поразительно приятен и симпатичен, что называется, до полной потери пульса, или «отключки» сознания, или...

Впрочем, как врач, она смогла уже к утру установить себе наиболее точный диагноз. Да-да, речь, очевидно, у них шла о том самом, отчасти эфемерном, о чем обычный смертный, имея в виду себя, любимого, частенько даже и не предполагает, но чем всегда располагает Господь Бог. А в общем-то все в руках Вседержителя, поэтому он, разумеется, и является Спасителем нашим...

И еще одно обстоятельство не следует забывать при этом. Мсть все-таки очень сладкая штука, если только с ней не перебарщивать, а распорядиться разумно. Как однажды заметил один из Сашиних приятелей: я – человек не злопамятный: отомщу и забуду. То есть это надо понимать так, что иногда обиженному мужчине прямо-таки необходимо жарко излить свое чувство мести, отомстить... в свое удовольствие. Иначе как ты сумеешь проглотить нанесенную тебе обиду?.. О женщинах пока речь не идет, у них могут быть и свои варианты. Недаром же рога растут исключительно у особей мужского пола, и никто еще не видел рогатой женщины.

Итак, пребывая в кратковременной нирване южнобережной тьмы, Александр, естественно, упустил из виду один

немаловажный фактор. Если в нашей стране кто-то срочно понадобился кому-то из Больших Людей, то этого «кого-то» обнаружат и на дне реки, пусть даже он закопается от непрошенных любопытных в густом и вонючем многовековом иле. Если действительно он нужен, а у тех, кто его ищет, хватит совести не ссылаться на «обстоятельства». Вот и по следу исчезнувшего Турецкого Костей Меркуловым и оскорбленной, но чувшей все-таки свою косвенную вину Ирины, – скажем так, чтобы не слишком напрягать ее болезненного самолюбия, – был пущен «великий сыщик» Антон Плетнев с конкретным заданием: найти и объясниться. Да, Саша – не сахар, да, он не прав, – а почему, на этот вопрос никто так и не ответил, —но... Вот это самое «но» и следовало, стало быть, Антону объяснить ему, Турецкому. Найти и объяснить! Кажется, чего проще, когда имеются исходные данные?

А как его искать? Вопрос, достойный подлинного сыщика. А через прокуратуру. Поскольку все они на Руси Великой подчиняются тому же Косте Меркулову как первому заму генерального прокурора по следствию.

Ну хорошо, с помощью майора милиции, муровского опера Петра Щеткина следы Турецкого были обнаружены в поезде Москва – Новороссийск, а дальше уж действуй сам!

И тут, как ком со снежной горы, когда одно цепляется за другое, растет в объеме и становится чудовищным для обычного восприятия, произошло веерное отключение электричества в Новороссийске. Так что приезд «известного» сы-

щика из московского частного охранного предприятия «Глория» для бедной на кадры по причине летнего отпускного периода новороссийской городской прокуратуры оказался как нельзя кстати. Вы нам помогите, а мы – вам. Как, пропал сам Турецкий?! Да какой разговор! Из-под земли достанем!..

И ведь «достали»! И чуть было не сорвали ответственное мероприятие, запланированное Сашей и Линой. Что-то там «вякал» Антон по поводу того, что Саша в корне ошибался, а Ирина чиста, аки агнец Божий, что сам Антон – истинный страдалец, который стал невольным свидетелем... – короче говоря, это все для Турецкого являлось в настоящий момент ненужной беллетристикой. Скорей всего, и по той причине, что «сладкая месть», честно мог признаться себе Александр Борисович, уже частично притупила в нем «остроту душевной боли».

«Хотите, чтоб помог с расследованием вашей диверсии? Выполните мои условия касательно полковника Володи. Это лично для меня, – заявил Александр по телефону Меркулову, – куда более важная в настоящий момент проблема. Моральный мой долг, Костя, поскольку иных перед вами больше не имею... Сложно понять? А вы понимайте как хотите...»

Поняли. А куда денутся?.. Разослали фотографии по всем отделам милиции России. Но первая же родственница полковника Володи, примчавшаяся аж с Урала, не признала в аккуратном бомже своего горячо любимого родителя, пропавшего без вести больше полугода назад. Тот также без вся-

кой причины просто ушел из дома и не вернулся. А ведь был до пенсии крупным милицейским чиновником. И, главное, никогда не страдал провалами памяти.

Этот же того отдаленно, конечно, напоминает, но при очной ставке узнан родной дочерью не был.

Что ж, для кого-то неудача, а Турецкому не привыкать было к временным трудностям. Первый блин, как правило, и бывает комом. Жаль, конечно, но это естественный процесс. Жарки блинов. И потом, у него на крайний случай уже была припасена прекрасная Лина, которая принимала участие при первом опознании и, видя, что Саша совершенно не расстроен и не обескуражен, а, напротив, полон энергии и желания продолжать свои поиски, да хоть и с нуля, готова была и сама оказать ему теперь любую помощь. Тем более что в городе ей были известны некоторые толковые психиатры, на консультацию которых при необходимости всегда можно рассчитывать. Опять же и стационары есть, – это уж совсем, как говорится, на «черный день». Пока лето, но ведь когда-то ж и зима настанет, и юг тут не спасет потерявшего дом и память человека...

Это то, что касалось непосредственно Володи. Но с приездом Плетнева Турецкий оказался, естественно, втянутым, помимо своей воли, и в главное расследование. В связи с отключением электричества, которое в городе уже прозвали «концом света», местной прокуратурой было возбуждено уголовное дело по статье 205 Уголовного кодекса, то есть,

без всякого сомнения, здесь имел место акт терроризма. И о том, что это именно так, говорили следующие факты: и в городе, и в его окрестностях стали обнаруживать «свежие» трупы людей.

Опытного взгляда Турецкого вполне хватило на то, чтобы практически с ходу (чем он, кстати, привел в восторг прекрасную Лину, оказавшуюся «по чистой случайности» в качестве врача рядом с Сашей при его встрече с Плетневым и следователем прокуратуры) обозначить суть ситуации: определенно проводилась элементарная «зачистка». Вероятно, заказчик «по цепочке» убирал исполнителей и свидетелей.

Вот на этом этапе Александру Борисовичу, а также приданному ему Меркуловым в качестве «боевого помощника» Антону Плетневу и пришлось вступить в расследование уголовного дела. Хотя оно им обоим было совершенно лишним. Вот Меркулову – это понятно, он большой начальник, ему «конец света» в Новороссийске – удар по парадному мундиру его самолюбия.

И, говоря по чести, Турецкому было по большому счету наплевать на все «концы», он бормотал себе под нос, словно заведенный, привязавшиеся строчки поэта: «Никому не понравилось это...» – и в качестве печальной констатации собственного присутствия: «Но никто не ушел никуда...»

Глава первая

ЗАЧИСТКА

Пассажирский поезд уходил незадолго до полуночи. Куда он шел, было абсолютно неважно ни Хохлу, ни Логопеду, главной целью которых было как можно быстрее «сделать ноги». То есть уйти от возможно пущенной уже по их следу погони. А в том, что это действительно было так, Хохол не сомневался. За годы работы в органах безопасности, откуда он «свалил» в девяносто четвертом, он научился заранее предвидеть действия своего начальства, что, естественно, долго помогало ему и при работе на «вольных хлебах», – на индивидуальных теперь заказчиков. Оно и дальше длилось бы, кабы не это, последнее дело, на которое он сдурю, как неопытный юнец, подписался, – хорошие «бабульки» светили в перспективе, – а теперь искренне сожалел о своей «слабости», уже предвидя скорые последствия.

Был Хохол невысоким, даже внешне тщедушным, лысым человеком средних лет, прекрасно владевшим смесью русского языка с украинским, так называемым суржиком, распространенным на юге России, за что, вероятно, и получил в криминальной среде свое «погоняло». Одет он был в джинсы и двустороннюю куртку, белым наружу.

Вообще-то суржиком в старину называли нетоварную,

пшенично-ржаную смесь. Случалось, что на полях этих злаков, посеянных рядом, во время цветения ветры перепутывали пыльцу, и тогда произрастало ни то ни се, – не рожь и не пшеница. Такое зерно отказывались принимать хозяева хлебных ссыпок, поскольку хлеб из такой муки получался не белый и не черный, а черт-те какой, – серый. Вот отсюда, наверное, и пошло название языковой смеси, чудовищно искажавшей и русскую, и украинскую разговорную речь.

Логопед, названный так за свое сильное заикание, очень сомневался в том, что Хохол прав. Лично у него не было оснований не верить своему бригадиру, который за «крутую зелень» выделил нескольких пацанов для небольшой зачистки после проведения конкретной операции. Кто там был заказчиком, Логопеда – высокого, стриженного наголо парня, в спортивном костюме и яркой бейсболке, совершенно не интересовало. Ему и в голову не приходило, что после зачистки, которую они с Хохлом провели, убрав Куратора, но, потеряв при этом Химику, то есть своего, над ними самими навис топор. Но Хохол – старше, опытнее, наверное, ему надо верить. Иначе почему бы они теперь оба втихаря «отваливали» ночным поездом из Новороссийска?

Этого Куратора, который один имел непосредственный, ну, то есть по мобиле, контакт с исполнителем, они догоняли весь день, с самого рассвета. Чем он рассердил заказчика, неизвестно, но последовала команда: убрать немедленно! И сделать все чисто! Однако тот ушел от них, со второго эта-

жа выпрыгнул, как только почувал, что заказчик заколебался. Ушел, гад, унеся с собой какие-то диски, хрен его знает. Тут Хохол сечет. И на тех дисках вроде бы должен был находиться полный п...ц заказчику. Вот и мотались весь день Логопед с Химиком по городу, с одной точки на другую, где мог, по их понятиям, оказаться Куратор, который собирался незаметно исчезнуть из города, уже всякую надежду потеряли, пока наконец именно Хохол не вычислил беглеца. Ошибся Химик, и Куратор вмиг уделал его, – свернул шею, как куренку. Сильный, падла. Но Хохол оказался на месте в нужный момент и уложил Куратора одной-единственной пулей из пистолета с глушителем. Иначе и нельзя было, народу полно вокруг, автобус с минуты на минуту должен был отойти на Анапу. А тут два «жмурика». Хорошо еще, что ночь, кустарник... Короче, пришлось терять время и от них избавляться: вывозить к морю, на «дикие» пляжи. Вот тогда и выдал Хохол на тему «делать ноги». И теперь они стояли в тамбуре предпоследнего вагона уходящего ночного поезда, а на плече у Хохла болталась на ремне сумка Куратора с теми дисками.

Логопед не понимал, на хрена они им, но Хохол только сказал, что они больших «бабок» стоят. Правда, и конкретный риск имеется. А это уже – его «базар»... Раз ушли, Логопед больше в их разборки лезть не собирался. Его другое занимало сейчас: кто висит на «хвосте»? Свои пацаны не пойдут против него с Химиком, им же наверняка еще неизвестно, что пацан «отдыхает» на центральном городском пляже.

Значит, заказчик должен иметь своих «чистильщиков», не известных никому в городе среди братвы. Но если так, то чего ж тогда они с Химиком пахали, а не те? Ни хрена не поймешь...

Вдвоем бы, конечно, «линять» запросто, но Хохол четко велел разбегаться и залегать, не светиться. И вот это уже не нравилось Логопеду. «Бабки» есть, не о них «базар», но от кого когти рвать?.. Никак не укладывалось в голове его, что надо просто бежать.

А еще Хохлу не понравилось, что Логопед не успел переодеться перед отъездом. Так когда ж было-то? Сам-то вон курточку перевернул наизнанку – и гуляй, а у Логопеда бейсболка не та, внимание, блин, привлекает! Ни хрена, пусть только попробуют... Нет, наверное, все-таки зря Хохла послушался, надо было со своими пацанами остаться, заказчик бы к ним и не сунулся. А теперь что?..

И Хохол, будто почувствовав раздиравшие Логопеда внутренние противоречия, чуть насмешливо предложил ему:

– В общем, кончаем болтать, давай разбегаться.

– А к-куда? – Логопед подергал боковую дверь, потом противоположную. – З-заперто!

– Не для нас... – Хохол достал из кармана джинсов обыкновенный ключ проводника – тройник и, вставив в замок, открыл дверь. Высунулся в скользящую мимо него темноту, и его словно передернуло, будто он поежился от холода,

буркнул что-то про себя и аккуратно прикрыл дверь. – Давай, выскакивай на первом же полустанке. И постарайся, для своего же блага, чтоб проводница тебя не видела.

– С-спасибо, Хох-хол.

– Валяй, Логопед. Будь осторожен, ни с кем не базлай!..

Я, когда в девяносто четвертом менял профессию, тоже поначалу на мелочах прокалывался. Давай!..

Хохол поправил ремень сумки, хлопнул Логопеда по плечу и ушел в последний вагон, закрыв за собой переходную дверь.

Логопед остался один. Достал сигарету, закурил, зачем-то проверил, открывается ли наружная дверь. Все было нормально, а на душе отчего-то становилось все более скверно. Вспомнилось, что этот Хохол, еще как вошли в вагон, сразу спросил, приходилось ли Логопеду прыгать из поезда на ходу? Он ответил, что бывало, и Хохол как-то сочувственно поглядел на него. А потом сказал, – уже когда вышли в этот, противоположный от купе проводников, тамбур, – что на его, Логопеда, месте не стал бы дожидаться остановки, а выпрыгнул бы сразу, как отъехали от города. Выбрал бы место, где насыпь не такая крутая, и сиганул бы. Темно, правда, но тут уж как повезет... Тем более что и поезд пока еле тянется. Вышел бы на шоссе, взял любой грузовик и рванул в сторону Крымска, а оттуда – на север... Потому что на этом поезде до того же Крымска они вполне могут и не доехать... А почему легковую «тачку» нельзя? Да потому, опять же, что

те, если выходы уже перекрыли, станут в первую очередь на трассе именно легковые «шмонать».

Вот это, наверное, и злило Логопеда: неопределенность собственного положения, к которой он не привык. Продолжая курить, он приоткрыл дверь, за которой было темно, и только вдали мерцали огоньки, но свету от них не было никакого...

Задумавшись, Логопед как-то сразу не обратил внимания на то, что за его спиной приоткрылась дверь. Но быстро опомнился, прикрыл свою дверь и стал к ней спиной. В тамбур, припадая на правую ногу и опираясь на палочку, выбрался дед в обвисших на коленях «трениках». Логопед внимательно посмотрел на него, но опасности для себя, во всяком случае, явной, не обнаружил и успокоился, продолжая курить. А дед между тем, отвернувшись к окну, что-то забормотал негромко, почти про себя, что курить охота, а старуха, стерва, криком орет, нельзя, мол, сдохнешь... Вот и приходится тайком, мать их всех тудыть и растудыть...

Затем он выудил из смятой пачки согнутую сигарету, расправил ее, сунул в рот и стал хлопать по карманам в поисках спичек. Потом он закашлялся, как от чрезмерного напряжения, и долго кашлял, в конце концов уронив на грязный пол сигарету. Кряхтя, нагнулся, чтобы ее поднять, но поезд качнуло, и дед нечаянно наступил на нее ногой. Что называется, и смех, и грех. Логопед невольно хмыкнул по поводу такой незадачи. А вот деду, видно, было не до смеха: может, она

у него последняя была. Он все-таки ее поднял, не без труда распрямился, охая при этом, прислонился к двери и, постояв так, словно в изнеможении, обернулся к Логопеду. При этом в глазах его читалась такая мольба, что и пень бы растрогался. Жестом и взглядом спросил, нет ли огоньку?

Логопед сунул руку в карман своих спортивных шаровар, потряс в нем спичками и вынул коробок, протягивая старику. Тот, с кривой сигаретой в зубах, опираясь одной рукой на палочку, а другой придерживаясь за стенку, подошел ближе. Взял коробок, тоже потряс им и, привалившись боком к двери в вагон, стал дрожащими руками чиркать спичкой. Первая сломалась. Дед сунул руку в карман «треников» и достал нечистый носовой платок, вытер им руки и сунул его в боковой карман пиджака.

И тут поезд снова качнуло. Дед не удержался на ногах, его так и кинуло прямо на Логопеда. И тот, выставив вперед обе руки, спокойно и даже с осторожностью поймал падающее на него старческое тело. И тут же вздрогнул сам, будто его пронзило током...

Нет, это был не электрический ток, – в бок молодого, спортивного парня по самую рукоятку вошло длинное и узкое лезвие. Раньше блатные называли такие ножи финскими, или просто «финками». Хоть и примитивное, но страшное оружие в опытных руках... Нынче-то средства убийства, так называемое холодное оружие, делают с изощренной фантазией и повсюду продают в качестве дорогих сувениров. Ну а

что лезвие не «дамасское», так кого оно волнует?..

Вздрогнув, Логопед замер, – всего на миг, – взгляд его остановился, а потом сам он стал медленно сползать спиной по двери, пока не сложился почти вдвое и не улегся – не без помощи оказавшегося весьма прытким и вовсе не хромым деда-пенсионера – боком на грязный, затоптанный пол. Убийца хладнокровно закрыл ключом-тройником дверь, через которую он вышел из вагона, и палочкой похлопал по оттопыренным карманам лежащего на полу. Там что-то звякнуло.

Дед легко наклонился, опорожнил карманы убитого, складывая находки рядом на полу. Пистолет с глушителем, обнаруженный у того на спине, под ремнем, сунул себе сзади за ремень, складной нож – в свой карман. Бумажник и толстую пачку денег, не разглядывая, – в карманы своего пиджака. Затем он отодвинул тело парня чуть в сторону, открыл боковую дверь и почти без особого напряжения, что выдавало в нем недюжинную силу, подтащил его к краю площадки. Выглянул, посмотрел направо, налево, а после этого спокойно столкнул труп в темноту. Туда же ногой вышвырнул пачку сигарет, дешевую зажигалку («Зачем таскал спички? В зубах ковырять?» – усмехнулся убийца), мятый носовой платок и связку обычных, домашних, вероятно, ключей, – они-то и бренчали, когда палочкой трогал карманы. Невелик багаж у беглеца... Закрыл и запер дверь.

Откашлявшись и как бы прочистив горло, он взялся за

ручку двери в последний вагон и... удивился. Дверь легко поддалась, она была открыта. И убийца немедленно снова превратился в старого, больного пенсионера: согнулся, даже штаны приспустил немного на домашние тапочки, которые были у него на ногах, после чего осторожно, побряхтывая при этом, перешел в соседний вагон...

Хохол, похоже, собрался прыгать в темноту. Он открыл дверь, поднял щиток над ступенями и, спустившись на последнюю, нижнюю, выглядывал вперед, высовывая голову, словно больше всего боялся, что, когда он оттолкнется от ступеньки и прыгнет, именно в этот самый момент мимо будет проноситься столб. А может быть, его останавливало от решительного действия что-то иное, и поэтому он не решался сделать жизненно необходимый ему шаг. Или это поезд, утомившись тянуться, наконец «раскоचेгарился», стал набирать ход? Вон и колеса застучали ровнее, все ускоряя свой ритм...

То ли устав сомневаться, то ли по другой причине Хохол решил подняться в тамбур. И сделал это, опустив даже железный щиток, который сухо лязгнул, защелкиваясь. Но дверь он закрыть не успел. Потому что из-за внезапно распахнувшейся двери в вагон на него прыгнул человек с остро блеснувшим лезвием ножа в вытянутой руке.

Ну, такие номера, хоть все произошло и неожиданно, у Хохла и прежде не проходили, а теперь, как говорится, сам Бог велел остерегаться. Он ловко перехватил руку с ножом и,

сильно крутанув ее так, что нападавший человек вскрикнул от боли, отшвырнул того к противоположной двери. Но и тот оказался ловок, снова кинулся в нападение, не дав Хохлу и мгновенья, чтобы достать оружие. Но был встречен ударом вытянутой ноги, после чего снова отлетел и спиной ударился о дверь. Но ни секунды не задержался: опять принял удобную для нападения позу.

Теперь нападавший стал осторожнее. Он пригнулся, как зверь, приготовившийся к последнему прыжку на свою жертву, и вытянутая рука его с ножом «ходила» из стороны в сторону, не отпуская противника и держа все его внимание на себе, притягивая, словно магнит.

Улучив момент, и Хохол ловким движением выхватил из кармана куртки нож, вмиг открыв лезвие. И сбросил на пол черную сумку. Теперь они «ловили» друг друга, словно держа противника перед глазами на самом кончике лезвия.

А поезд, похоже, набрал ход и шел ровно.

– Ну, что, кишка тонка? – ощерился в ухмылке убийца. – Бздишь прыгнуть-то с поезда?

– А пошел ты!.. – будто в радостной улыбке, оскалился Хохол. – Пидор козлийный... вонючка... харя уголовная...

Убийца резко прыгнул на Хохла, но тот ушел от прямого удара ножом и, чуть оттолкнув руку врага в сторону, в свою очередь, в прыжке от двери мимо него, успел вонзить и вырвать лезвие из его бока. А затем, ловко развернувшись в воздухе, еще и вдогонку врезал обеими ногами тому в спину,

отчего убийца мешком вылетел прямо в открытую дверь.

Хохол приземлился на руки, потом устало прилег на бок, что-то тяжело показалось после приземления. Попробовал отдышаться и сесть. Но опять непонятная тяжесть в боку насторожила его, и он, еще не распрямляясь, стал щупать раскрытой пятерней собственный бок. Посмотрел на ладонь, – она была вся в крови. Опустил голову и увидел, что на белой его куртке прямо на глазах расплзается кровавое пятно. Он задохнулся и постарался прислониться спиной к стенке, но надо было для этого двигаться, а боль, разгоравшаяся в боку, там, где печень, это он знал, словно разрасталась и заполняла собой все тело. Успел-таки, гад... И руки почему-то переставали подчиняться...

Еще мгновение – и голова Хохла безвольно опустилась на грудь, а сам он медленно завалился набок...

О двух трупах, найденных рядом с железнодорожным полотном, и третьем – в крайнем тамбуре последнего вагона, в новороссийскую городскую прокуратуру сообщили в тот же день. Насчет того, который оказался в поезде, узнали потому, что задняя дверь была распахнута настежь. А так бы проводница и сто лет бы туда не ходила. Зачем? Она же помнила, что перед отправкой поезда сама заперла задний тамбур! А там, видишь ты, уже «холодненький» пристроился...

Ну а на железной дороге трупы обнаружил машинист первого же утреннего поезда и сообщил на станцию. А еще их

увидел обходчик и протелефонировал из своей будки.

Но вышло так, что в прокуратуру сообщили не сразу. Дело в том, что указание прокурора немедленно докладывать обо всех неопознанных трупах довели до линейных отделов милиции с опозданием.

Таким образом, официальное указание по поводу срочного поиска исчезнувшего в городе, или его окрестностях, «важняка» из Генеральной прокуратуры Александра Борисовича Турецкого фактически помогло разобраться и с этими трупами. То есть получилось так, что уже к вечеру того же дня, когда их обнаружили, над трупами, привезенными в морг, «колдовал» судебно-медицинский эксперт Зиновий Ильич Пархоменко.

Узнав от Плетнева, который был постоянно на связи с новороссийским «важняком» Витольдом Кузьмичом Липняковским, возбудившим уголовное дело о «конце света», о том, кто работает с покойниками, Турецкий посоветовал Антону не лезть к тому со своими вопросами, сам скажет, когда закончит вскрытия. Сейчас именно от судебного медика зависело дальнейшее расследование.

А еще он потребовал от городского прокурора, чтобы тот немедленно задействовал для осмотра трупов, а также возможных мест происшествий лучших в городе экспертов-криминалистов, поручив тем немедленно и по любому вопросу связываться лично с Турецким по мобильной связи. А сам он присутствовать при следственных действиях категорически

отказался, сославшись на занятость. Вот и разберись тут!

И потом, какие места происшествий он имел в виду, тоже было Антону совершенно непонятно, но Александр объяснять ему не стал, что это и дураку ясно, и криминалисты отправятся туда, где были найдены на путях трупы, а сказал, что лично сообщит об этом экспертам. То есть, другими словами, Турецкий как бы отстранял Плетнева от конкретных дел. А почему, не говорил. Просто сказал: еще успеешь.

При всем уважении к опыту Александра Борисовича Плетнев никак не мог понять, какое значение имеет, к примеру, вопрос о том, чем конкретно, каким видом оружия, убиты те люди, для расследования причин диверсии на городской электростанции. Ну убиты, и ладно. Другое дело – кто убил? Но вряд ли судмедэксперт ответит на этот вопрос. А Турецкий лишь поглядывал на Антона с откровенной насмешкой, которая так «заводила» всегда Плетнева, и кивал, словно соглашаясь, а на самом деле, похоже, просто издевался над ним. Ну да, а где его, опыта этого, набраться, как не при расследовании уголовных дел? Нет, все-таки никак не складывался тесный рабочий контакт у Антона с Александром, как хотелось бы.

Получалось так, что, вроде бы соглашаясь с аргументами Плетнева о том, что у него с Ириной Генриховной решительно ничего не было, да и быть не могло, Турецкий, тем не менее, не верил ему. А чему тогда верил? Своей редкостной интуиции? Своему житейскому опыту? И почему не верил

честному слову коллеги? Или своей родной жене?! Которая никогда не изменяла мужу! Никогда! Значит, среди всех возможных еще аргументов остается этот, последний – присутствие здесь супруги Турецкого. Пусть приезжает и сама решает свои проблемы. Она просила Антона найти Шурика? Он нашел, а дальше, по большому счету, уже не его дело. В конце концов, кто во всей этой неразберихе, приведшей к почти драматическим последствиям, заинтересован отыскать правду больше всего? Да сами Турецкие! Ссорятся, мирятся, разбегаются в разные стороны и тут же дня не могут прожить друг без друга... Бред какой-то! Ну и пусть разбираются сколько хотят!

С одной стороны, Плетнев в настоящий момент был благодарен Турецкому. И прежде всего за то, что, несмотря на их «внутренние», ну, чисто человеческие, разногласия, Александр Борисович нигде и ни в чем не подставил своего коллегу. При ночном осмотре трупа, обнаруженного на пляже, повел себя в присутствии посторонних так, будто они с Антоном уже сто лет работают в привычном тандеме, что называется, в одно касание. И это обстоятельство даже удивило ментов. Словно продемонстрировало местным кадрам: вот как, ребятки, надо «пахать»! Потом, уже утром, в прокуратуре, с привычным для него блеском Саша провел совещание со всеми причастными к расследованию службами. Там тоже вопросов не возникало.

Но, едва закончив совещание и раздав буквально каждому

срочные задания, Турецкий вмиг смылся по своим личным делам. Может, не совсем личным – судьбой какого-то бомжа заинтересовался, но все равно – не тем главным, ради чего и Меркулов заварил здесь эту кашу, будто у местных правоохранителей своих кадров действительно в обрез. А Саша мало того что полностью углубился в какие-то мелкие проблемы, связанные с появлением в городе означенного бомжа, потерявшего память, он еще умудрился задействовать в своих заботах и местных оперов. Какие-то опознания, кого-то встречают, провожают. А еще и эта местная докторша, у которой симпатичные ножки и которая с Сашки прямо глаз не сводит.

Нет, Плетнев, конечно, понимал, как мужик мужика, что Турецкому, упрямому и даже озлобленному собственными неприятностями, что случилось с ним во время «побега» из Москвы, требуется моральная, да в общем-то и физическая разрядка. Ну, так вот же тебе толковая, нормальная, понимаешь, баба, которая только что в рот тебе не смотрит, – валяй, разряжайся с ней сколько хочешь! Никто ж не против. Но давай и дело делать! А он смылся куда-то... У тетки нет, у врачихи этой в клинике тоже нет. И хитрая баба – вот же прямо черт в юбке! – все ведь прекрасно понимает и все знает, а молчит. Ухмыляется: жив, мол, и здоров, занимается своим делом, как освободится, сразу позвонит. Ну, что ты скажешь? И выходит так, что Антон как бы делает вид, будто занимается делом, но при этом не знает, что вокруг проис-

ходит.

Или плюнуть на все их проблемы? Вызвонить, если получится, Милу и самому отвести душу?..

Эту девушку Антон встретил на ночном шоссе, когда только приехал в город. Поезда из-за отсутствия в проводах электричества останавливались черт знает где, пришлось двигать по путям пешком. Так вот и встретились с этой лихой мотоциклисткой. И запала она почему-то сразу в душу. А ведь совсем молоденькая девушка, года, наверное, двадцать два-двадцать три. Но – личность! Меня, сказала, все в городе знают! Антон сунулся в Интернет-кафе «Снасть», что на набережной, где местные любители поиграть с компьютерами собираются, спросил там Милу, а ее, оказывается, никто и не знает. Позже, правда, выяснилось, это когда она уже сама подъехала на своей «керосинке», что она имела в виду не паспортное имя, а кличку, так сказать, свой компьютерный ник: Шпионка. Вот как Шпионку ее действительно знали. Спай, значит...

Нет, славная она девушка. С ней и купаться ночью здорово, и целоваться захлеб, но... на том все и кончается. А почему шпионка, Антон так у нее и не выяснил. Шутки детские, наверное...

Кстати, во время поездки этой в Новороссийск судьба совершенно неожиданно и для самого Плетнева выкинула такое колечко, что Антон, не дававший воли своим эмоциям, особенно в последнее время, что называется, с ходу «по-

плыл». Встретил в плацкартном вагоне, в котором ехал, ничем особо не примечательную, разве что «зажигательными» глазами да порывистыми движениями, молодую женщину, «челночницу», разговорились, слово за слово, вышли в тамбур покурить, а уже ночь, темно, и... Вдруг такая отчаянная страсть налетела, что не упомнишь, кто кинулся первым, – как с обрыва в пропасть! Морок какой-то, туман окутал. Что они творили! Ой-е! Словно сразу за все свои долгие страдания получил сумасшедшую награду Антон... Ах ты, Зоя!.. И, что любопытно, сразу после нее пошла полоса удач. И Турецкого нашел, и Милу эту встретил... Еще бы порядку побольше, так совсем хорошо.

А может, действительно не дергать пока Сашу? Куда гнать-то? Кто сейчас часы считает? Проводятся нормальные и официальные, между прочим, следственные действия, а сколько они будут длиться, одному Богу известно. И опять же, у Антона время от времени всплывала в памяти та Зоя, адресок которой он успел-таки запомнить, хоть мозги в тот момент совсем другим были заняты. Мила – она для души, раз другого не желает, а Зоя? О-о, не даром даже снилась уже пару раз. Чует организм, что навестить бы надо... А что, нормальное мужское дело, кому от него плохо?

Вот ведь как легко иной раз себя уговорить! Не накликать бы только лишних забот на собственную шею...

Еще вечером того дня, когда стало известно, что были об-

наружены трупы, он приказал Антону не трогать экспертов. Александр Борисович хотел дать специалистам возможность поработать самим, без всяких «погонялок», которыми во все века грешили буквально все руководители следственно-оперативных бригад. Да и сам он – в первую очередь. Давай, давай, быстрее, быстрее... – известное дело. Пусть хоть разок нормально мужики поработают и столько, сколько им, а не начальству, требуется. И ведь постарались! К утреннему совещанию в прокуратуре у них уже были готовы предварительные данные буквально по всем эпизодам.

Ну, акт экспертизы – это дело кропотливое и нескорое, однако главное, с чем уже можно было работать, следствие получило. Оставалось проанализировать имеющиеся факты и сделать выводы. Такую «здравую мысль» высказал на утреннем совещании следователь Липняковский. Почему-то им всем тут казалось, что раз за дело взялся сам Турецкий, то оно, это дело, уже в шляпе. Но никто из них, знатоков фольклора, наверняка не ведал, а если когда и слышал, то плотно забыл, что наиболее верное толкование этого выражения находится у Пушкина в его заметках и анекдотах, поименованных как застольные беседы. И там известный поэт Барков оставляет другому, столь же известному поэту Сумарокову, как записывает Пушкин, свое ДЕЛО именно в ШЛЯПЕ, лежащей на полу в доме у Сумарокова. А что это было за ДЕЛО, и дураку понятно.

Турецкий всегда доверял экспертам, но всякий раз, ко-

гда события наваливались потоком, лавиной, предпочитал взглянуть на имеющиеся факты сам. Причем лучше один, чтоб не мешали посторонние высказывания. Для них потом будет время. Вот и теперь, когда всем вокруг картина стала якобы понятной, он решил сам съездить туда, где вдоль железной дороги и были обнаружены трупы. Для Александра Борисовича было еще здесь много неясного.

По заключению судмедэксперта, первое тело, найденное на обочине насыпи, слева по ходу поезда, следовавшего из Новороссийска, принадлежало молодому человеку лет двадцати с небольшим, скончавшемуся от глубокого проникающего ранения колющим оружием в область сердца.

Следующий труп, обнаруженный с той же стороны путей, принадлежал явно пожилому человеку, судя по наколкам на спине и руках, неоднократно судимому, смерть которого наступила от колюще-режущего, также глубоко проникающего бокового ранения в область живота.

Третье тело, как известно, было обнаружено в тамбуре последнего вагона уже на станции Славянск. Левая дверь была настежь открыта, как и переходная в соседний вагон, которую проводница сама запирала, это она помнила точно. Впрочем, загадки тут не было: и у покойника, оставшегося в вагоне, и у пожилого, на насыпи, в карманах были найдены стандартные тройные ключи проводников. Ими, значит, и пользовались. Смертельное же ранение третьему, у которого в кармане оказался паспорт на имя Коржева Петра Ана-

тольевича, 1961 года рождения, уроженца Краснодара, было нанесено тем же колющим оружием, от которого погиб и молодой человек. И этим оружием оказалась финка, зажатая в кулаке пожилого, бывшего уголовника.

То есть картина теперь вырисовывалась следующая. Вероятно, в поезде, в тамбурах двух последних вагонов, последовательно завязывались драки с поножовщиной. На что указывали следы крови на полу. Поскольку двое были убиты одним оружием, то, значит, убийцей был, скорее всего, пожилой уголовник. А кто двое других?

Кстати, за ремнями уголовника и Коржева были обнаружены пистолеты Макарова с навинченными на стволы глушителями. Но на том, что был у уголовника, эксперт-криминалист обнаружил еще и пальцевые отпечатки молодого человека. Иначе говоря, пистолет этот мог принадлежать ему, а после его убийства «перешел» к уголовнику.

И еще одна странность. Почему двое из последнего тамбура не воспользовались оружием, а предпочли действовать ножами? Привычнее? Или один из них, скажем, Коржев, был застигнут врасплох и уже не успел воспользоваться пистолетом? А между тем пуля, извлеченная из тела лже-утопленника, найденного на диком пляже поздним вечером, была выпущена именно из пистолета Коржева. Вот так. И отсюда сразу вопрос: кто из этих двоих являлся так называемым Куратором? Ведь именно так к нему обращались собеседники в телефонных разговорах, старательно записанных на лазер-

ных дисках.

О Коржеве следователь Липняковский уже до конца дня сообщил те данные, которые ему очень неохотно передали на фигуранта в Новороссийском отделе УФСБ по Краснодару и Краснодарскому краю.

До 1994 года капитан госбезопасности Петр Анатольевич Коржев работал в этой системе, но был уволен в связи с превышением полномочий и неполным служебным соответствием, надо понимать, своей должности оперуполномоченного в отделе, который в то время занимался борьбой с наркоторговлей и самими наркоманами. Это ж как надо было с ними бороться, чтобы с треском вылететь из органов? Понятное дело...

Просматривая содержимое черной сумки, найденной возле этого Коржева на полу, Липняковский обнаружил, помимо дискет, представляющих непосредственный интерес для следствия, еще и паспорта, явно не принадлежавшие Коржеву и выписанные на Курченкова Михаила Ивановича и Евсеева Николая Егоровича. И на фотографиях были лица все того же фальшивого утопленника. Этот факт указывал на то, что Коржев, вероятнее всего, застрелил этого Курченкова, или Евсеева, черт их знает, а сумку забрал себе.

И еще один факт в пользу того, что Куратором мог быть именно Курченков или Евсеев. Поздно вечером, когда осматривали труп на пляже, судебный медик Пархоменко не обратил внимания на то, что усы и бородка утопленника бы-

ли тоже фальшивыми – гримом. Это обнаружилось им же, только позже, при вскрытии. И на фото в паспортах этот неизвестный был уже загримирован. Да, конечно, Куратор – он. Больше просто некому. Он и загримировался, чтоб не узнали те, кто его видел. Другими словами, его видели? И могли, соответственно, узнать? Но кто? Он был в городе заметной личностью? Если это так, то следует его фотографию предъявить в тех организациях, в которых он мог служить. Скажем, как и Коржев. Может, он тоже из бывших гэбэшников? Вот и пусть следователь срочно проверяет, ищет концы. Хорошая для них работа, не москвичам же ею заниматься. А свои со своими договорятся всегда, это давно известно. «Варягов» не любят и вставляют им палки в эти... в колеса...

Итак, получалось, что таинственным Куратором мог быть только утопленник. А Коржев, затем тот неизвестный под лестницей на пляже и, наконец, первый труп на железной дороге – эти трое входили в бригаду, которая охотилась на Куратора. А за ней, в свою очередь, охотился пожилой уголовник. Финал же – как в известном фильме: «А потом они все умерли!» Все, кроме главного – заказчика. И, возможно, исполнителя. Вряд ли на него «тянул» кто-то из покойников. Не тот «формат» для подобного количества трупов при «зачистке»...

Вот с такими данными на руках Александр Борисович и приступил, как он полагал, к последней стадии расследования чрезвычайного происшествия в Новороссийске. Соб-

ственно, для себя в этом процессе он важной роли не видел. Факты говорят сами за себя, ну, кое-что уточнят эксперты, проведут голосовую экспертизу касательно участия в ЧП господина Переверзина, что тот станет, естественно, отрицать категорически. Однако он наверняка не знает, что его голос во время разговоров с Куратором был неоднократно записан последним на лазерном диске. А словно для сравнения, на нем же представлено и то интервью, которое Григорий Алексеевич дал корреспонденту Центрального телевидения, прозвучавшее в эфире вечером того дня, когда и была произведена диверсия с полным отключением электричества в городе и его окрестностях.

Но ведь, известное дело, когда в бой брошены столь значительные средства и силы – непросто же лишить большой город электроэнергии на целые сутки и уложить пятерых человек, – это означает, что битва стоила таких «вложений». А за что, собственно, битва-то? Вот если ответить на этот вопрос, тогда и станет ясна расстановка враждующих сил. Именно этого в конечном счете ожидает от следственно-оперативной бригады «верхнее» начальство. Тот же Костя Меркулов. Им-то все равно, кто был в деле Куратором «проекта», а кто его шлепнул...

Не менее важно найти и главного исполнителя. Кто-то же «отключил» город! И этот «кто-то», получается, – большой умелец. А тот оператор, которого задержал Липняковский сразу, по горячим следам, – пробежал глазами Турец-

кий протокол его допроса, – скорее всего, никакого отношения к этой аварии, или как там ее ни называй! – пожалуй, прямого отношения не имеет. И тут он был прав, что указано им же и в протоколе допроса: надо срочно найти толкового специалиста по всяким компьютерным программам, их профессиональным секретам, и попросить того внимательно разобраться в сложившейся ситуации. Он же и догадку свою высказывает: в систему мог быть запущен самостирающийся вирус. Хотя это практически невозможно. Зато вполне возможно теоретически, что, правда, не одно и то же. Но почему ни Липняковский, ни Антон не обратили внимания на это заявление? А потому, наверное, что это и для них, как и для Турецкого, была даже и не высшая математика, а нечто вовсе запредельное. Компьютерной «грамотности» Александру Борисовичу в этом вопросе никогда не хватало. Так что же говорить о местных кадрах?..

Но это, грубо говоря, официальная сторона пребывания, если выражаться высоким «штилем». А главной своей заботой Александр Борисович по-прежнему считал поиск потерянной судьбы «полковника» Володи. Чем-то сильно «зацепил» Турецкого этот несчастный бомж, забывший свое прошлое. Только слышал о биографической амнезии до этого случая Александр Борисович, а увидеть наяву пришлось впервые. И у первого же, по сути, человека, встреченного им в Новороссийске в ночь «конца света».

Однако и намеченными мероприятиями по официаль-

ному расследованию следовало тоже заниматься, и Турецкий отправился к «местам происшествий», но не потому, что не доверял экспертам-криминалистам, задействованным следователем Липняковским, а потому что привык сам проверять свои соображения, подсказанные интуицией.

Когда Александр Борисович сообщил местному «важняку», что хотел бы съездить к тому месту, где были обнаружены трупы, и ему для этой цели нужна машина с «мигалкой» на случай непредвиденных осложнений с местными властями, – кто ж позволит бродить посторонним лицам по путям после того, что уже стало известно, – Липняковский немедленно сказал, что тоже отправится с ним. Оказалось, что и он не был на месте происшествия. Поэтому поехали вдвоем, а провожатым взяли одного из оперативников, производивших досмотр в тех местах, где были обнаружены два трупа. Ну а третий, как известно, был извлечен с задней площадки последнего вагона уже в Славянске, осмотр производили работники местной транспортной милиции. Не держать же поезд из-за этого? В общем да, конечно. Тем более что протокол осмотра двух тамбуров прилагался к трупу.

Первый труп был обнаружен сразу за Владимировкой. Он лежал на междупутье, с левой стороны по ходу поезда, ногами вперед. На машине подъехали почти вплотную к железнодорожной насыпи и пешком поднялись на пути. Оперативник походил, поискал немного и позвал, показывая на

каменную россыпь. На камнях были видны темные пятна застывшей крови. Это означало, что, во-первых, тело было выброшено в дверь головой вперед и, во-вторых, что труп еще не остыл и сильно кровоточил. Ну да, проникающее ранение финкой, вспомнил Турецкий заключение эксперта-медика, было нанесено в область печени. Никаких документов и вообще ни одного предмета в карманах убитого обнаружено не было. В нормальных условиях такого практически не бывает, обязательно что-то остается – сигареты те же, зажигалка или спички, на худой конец. Значит, карманы были выпотрошены убийцей перед тем, как он выбросил труп в ночь.

До следующего трупа, как подсказал оперативник, было около четырех километров, на подъезде к поселку Нижнебаканский.

– Всю дорогу прочесали? – спросил Турецкий у оперативника после того, как сам внимательно осмотрел все вокруг места «находки».

– Нет, – ответил тот. – У нас уже имелась информация о местонахождении второго трупа. Передали железнодорожники, видел машинист поезда, а, собственно, нашел обходчик, с него сняли показания.

– Я читал, помню.

– А еще там, до нас, уже побывала транспортная милиция... Но они клянутся, что ничего не трогали. А мы на машине подъехали, далеко же.

– Не близко, – согласился Турецкий. – Но ничего не по-

делаешь. Скажите водителю, чтоб ехал туда потихоньку. Да и вам, Витольд Кузьмич, я думаю, тоже стоит на машине. А мы уж вдвоем с лейтенантом как-нибудь.

Но Липняковский запротестовал. Идти, так всем. Опер побежал сказать шоферу, а следователи неторопливо отправились по междупутью, внимательно посматривая по сторонам. Что они искали, Турецкий не мог бы сказать. Он просто внимательно смотрел себе под ноги и по сторонам, ограниченными рельсами железнодорожного пути. И не зря.

Где-то метров через четыреста он увидел красный предмет – небольшой и блестящий. Подошел, присел, осмотрел – это была обыкновенная пластмассовая зажигалка.

Липняковский навис над ним.

– Зажигалка? – догадался он. Их тут вдоль полотна – десятки.

– Возможно, – ответил Турецкий, доставая из кармана целлофановый пакет, несколько штук он взял у тетки дома. – Только я почему-то пока не встретил ни одной.

– Возле вокзала, – поправился следователь.

– То-то и оно, – Турецкий кивнул и аккуратно уложил зажигалку в пакетик, посмотрел на солнце. – Полная, – сказал со значением. – Такие обычно не выбрасывают. Так, друзья мои, попрошу быть предельно внимательными.

– А что мы ищем? – спросил оперативник.

– Вот когда найдем, – усмехнулся Турецкий, – тогда я вам, лейтенант, и скажу.

Начатую, но несмятую пачку сигарет «Мальборо» нашли немного позже, в десятке метров впереди. Такие тоже не выбрасывают. И она тоже «улеглась» в отдельном пакете.

– Я еще ни в чем не уверен, – сказал оперу Турецкий, – но на них могли остаться следы пальцев кого-нибудь из наших фигурантов. Во всяком случае, не исключаю.

– Ну и что? – не понял тот. – Какая разница, чьи они?

– Видите ли, молодой человек, – снисходительно заметил Александр Борисович и улыбнулся Липняковскому, который с интересом слушал разговор, – просто так, без необходимости, почти полную пачку дорогих сигарет и зажигалку не выбрасывают из поезда. Особенно на ходу, ведь так?

Тот кивнул.

– Вот и смотрите, что могло еще вылететь из открытой двери тамбура.

Липняковский одобрительно хмыкнул. Ну слава богу, значит, он одобрял подходы и действия Турецкого? Уже успех... А опер словно завелся: если до сих пор лениво тянулся позади, то теперь бодро зашагал впереди, успех соседа всегда подбадривает.

Связку ключей он обнаружил между рельсами обратного пути. Кинулся к ней, но остановился и торжествующе посмотрел на Александра Борисовича. И Турецкий тоже обрадовался. Эта находка была уже не просто «кое-что».

– Ну-ка, включите, молодой человек, свою «соображалку», – улыбаясь, предложил он лейтенанту. – Почему они

именно здесь?

Липняковский, которого все как-то обходили вниманием, попытался что-то сказать, но Турецкий жестом остановил его.

– Дайте лейтенанту подумать.

А тот вдруг заулыбался.

– Если они дрались в тамбуре, то не исключено, что эти предметы выпали из чьего-то кармана. А оставшийся в живых просто выкинул их, пнув ногой... Не так?

– Абсолютно с вами согласен, – серьезно сказал Турецкий. – Зажигалка тяжелее пачки сигарет. А ключи – и того больше. Вот они и улетели так далеко от поезда. О чем говорит? Ключи оставшемуся в живых не были нужны, значит, они принадлежали молодому человеку в спортивном костюме. И еще: один из тех, что дрались уже в последнем тамбуре, тоже не курил. А у кого из этих двоих обнаружены сигареты? Мы его уже знаем: это некто Коржев, шестьдесят первого года рождения, из Краснодара. Второй же был похож на уголовника, судя по его наколкам. Вот он, по всей вероятности, и убил нашего молодца, так ведь?

Оперативник, видно было по его взгляду, изумился той легкости, с которой москвич практически, что называется, с ходу выстроил картину происшедшего. На совещании в прокуратуре так подробно обстоятельства дела не обсуждались, шла в основном речь о результатах экспертиз – баллистической, судебно-медицинской, голосовой – и прочих конкрет-

ных делах и уликах. И то, о чем говорил теперь Турецкий, было для молодого оперативника по-своему откровением. Поэтому, когда его глаза блеснули догадкой, Турецкий это сразу усек.

– Но тогда получается, что именно уголовник... – начал опер.

– Молодец! – искренно похвалил Александр Борисович. – Именно так. Вы хотите сказать, что «чистильщики», то есть охотники за Куратором, Коржев и этот молодой, пока неизвестный нам, попытались сбежать после убийства того Куратора. Но это им не удалось, как видите, их догнал еще один «чистильщик», следующего уровня, которому было приказано убрать обоих свидетелей, или исполнителей, убийства Куратора. А им был наверняка один из тех, кого мы с вами вчера ночью нашли на берегу моря. Вы ведь это имели в виду?

– Да... – неуверенно пробормотал оперативник. Он улыбнулся и спросил: – Но тогда получается, что второй «утопленник», у которого была свернута шея, да?.. – И он посмотрел вопросительно, словно ожидая поддержки от московского следователя.

– Совершенно верно, – кивнул Турецкий. – Этот ваш «утопленник» пал жертвой Куратора. Пистолеты ведь найдены, стволы и пули идентифицированы. Осталось выяснить не так уж и много: фамилии еще неизвестных нам фигурантов. И попытаться через них, через их возможные связи,

выйти и на исполнителя, а также и на главного «заказчика». Вы очень правильно мыслите.

Молодой оперативник «расцвел», а Липняковский снисходительно усмехнулся. Завоевывать авторитет таким примитивным способом, по его мнению, Александру Борисовичу совсем не стоило. Но он не мог и не отметить, что Турецкий действительно «одним росчерком пера» разложил все по полочкам.

В самом деле, осталось выяснить «немного»: кем были Коржев, Курченков и этот молодой – Ивакин, чей паспорт был найден в бумажнике, извлеченном вместе с солидной суммой валюты из кармана «уголовника», валявшегося там, впереди, километрах, пожалуй, в трех с половиной, до которых еще шагать и шагать из-за каприза Александра Борисовича. Ну и еще самая малость – осталось узнать фамилии «уголовника» и второго «утопленника»...

– Если вы не обратили внимания, лейтенант, адрес того, чьи ключи вы только что нашли, мы уже знаем. Известно также и по характеру ранений Коржева и Ивакина, что оба были убиты острым и длинным, колющим предметом, иначе говоря, финкой, которую сжимал в руке «уголовник». Следовательно, что? – Турецкий с улыбкой уставился на парня и не стал дожидаться ответа. – Следовательно, уже сегодня мы имеем все основания учинить обыск в жилище Ивакина. И, соответственно, Коржева с Курченковым. Если, конечно, фамилии их подлинны и документы их – не классно сделан-

ная фальшивка. Вы не интересовались еще, Витольд Кузьмич?

Липняковский вздрогнул, вопрос застал его несколько врасплох.

– Еще не докладывали, – смутился он. – Но я сейчас проверю, – и он с готовностью схватился за свой «мобильник».

А Турецкий, чтобы не мешать следователю «выяснять», взял оперативника под локоть и отвел немного в сторону. Вообще-то он специально говорил, обращаясь в первую очередь к оперу, потому что не хотел ставить в неловкое положение Липняковского, которому, как он полагал, и сказать-то в ответ было нечего – долго раскачиваются ребята. А так получалось, что старший по званию разговаривает с младшим и объясняет ему азы сыскного дела.

– Итак, к чему мы с вами пришли? Прежде всего мы узнаем об образе жизни всех троих, что, впрочем, уже можно предположить с изрядной долей уверенности, верно?

– Да, конечно, – кивнул опер.

– Я тоже думаю, что они, как поется в известном мультике, «романтики с большой дороги». Давайте подумаем и о валюте, найденной в карманах покойников. У Коржева был свой бумажник – с документами и валютой, это его деньги. В сумке, что валялась рядом с ним, тоже была валюта, но вместе с дисками. Будем считать, что ее Коржев забрал у Куратора, больше ведь некому было хранить диски с компроматом на Переверзина, верно? – И сам ответил за опера: – Вер-

но. У молодого, у Ивакина, никаких документов и денег, как и оружия, не обнаружили. Зато все это извлекли из карманов «уголовника». Он, значит, и забрал их у Ивакина. Таким образом, благодаря найденным уликам, мы с вами без особого труда восстановили последовательность действий. Логично?

– Абсолютно, – подтвердил опер.

– Вот этими делами, то есть обысками по указанным в документах адресам, ваши коллеги сегодня и займутся. И вас я попрошу отнестись к этому делу тоже максимально ответственно. И тогда уже на завтра мы с вами будем иметь максимально полную на данный момент картину. Кстати, Витольд Кузьмич, – обернулся Турецкий к Липняковскому, который с мрачным видом прятал трубку в карман своего широченного пиджака. – Я с вами не поеду, у меня есть еще некоторые срочные дела личного порядка. Это по поводу экспертизы одного «заблудившегося в жизни» товарища. А по поводу нашего «уголовника», у которого, судя по наколкам, была не одна ходка, я думаю, надо послать запрос в Главное управление исполнения наказаний с приложением нескольких фотографий, для облегчения опознания по их картотеке.

– Это уже сделано, – с облегчением кивнул следователь. – Отправлено в наше краевое управление.

– Если появятся трудности, не ждите, а немедленно отправьте факсом копии в Москву, Владимиру Михайловичу Яковлеву. Он – начальник МУРа, генерал-лейтенант милиции. У них там, я знаю, отличный информационный центр.

Сошлитесь на меня и обязательно – на особую срочность. А я постараюсь предупредить телефонным звонком. И если наш фигурант там хотя бы краешком «проходил», мы уже завтра будем иметь на него исчерпывающие данные.

– Это было бы здорово, – обрадовался Липняковский, судя по всему, он не очень-то верил расторопности краевого УИНа.

Нет, зря опер «грешил» поначалу на упрямство Турецкого. Тот, закончив краткую «лекцию», спросил у него:

– Я надеюсь, вы не послали водителя прямиком на следующую точку?

И опер слегка покраснел.

– Я велел ему ехать медленно, поглядывать на нас время от времени. Так что, думаю, он далеко не отъехал. А что, мы больше не будем ничего искать?

– А что вы еще хотите найти? – спросил в свою очередь Турецкий.

– Ну... не знаю...

– Вот и я не знаю, – усмехнулся Александр Борисович. – Зато предполагаю другое. Выбросив труп и эти предметы, что мы обнаружили, убийца отправился в следующий вагон, последний. Что называется, за собственной смертью. И теперь, если мы что-нибудь обнаружим, то только возле места падения следующего трупа. Посмотрите водителя, а то мы совсем замучили нашего бедного Витольда Кузьмича.

– Я не... – запротестовал было Липняковский.

– Не надо напрягаться, легче подъехать, – заметил Турецкий спокойно. – А вы согласны с моими предположениями?

– Абсолютно, – признался Липняковский и даже почувствовал некоторое облегчение...

Они подъехали к тому месту, где был найден труп «уголовника» и откуда был уже виден поселок Нижнебаканский, отметили и здесь темные пятна засохшей крови на россыпи камней, которыми бутили пространство между шпалами, но ничего не обнаружили, после чего вернулись в город.

По дороге Турецкий вспомнил свой вопрос, который вертелся на языке еще утром, но как-то выпал, другие дела заслонили. А теперь всплыл:

– Скажите-ка, а у вокзалов, авто– и железнодорожного, искали? И в аэропорту, как я просил?

– Да, но ничего не обнаружили. А может быть, опоздали. Там уже, говорят, поработали дворники и уборщики со своими метлами и «поливалками». У нас же юг! – сказал, словно оправдывая этим объективным обстоятельством свою нерадивость.

– Невнимательно, значит, смотрели?

Липняковский огорченно пожал плечами.

– Выходит, так, – он тяжело вздохнул.

И Александр Борисович решил его, грузного и уставшего, не напрягать, но вот опера попросить все же пробежаться – для очистки совести. Могли же остаться пятна крови, да и дворники могли обратить внимание. Гильза там, еще что-

нибудь. А сам подумал: «До чего ж все-таки расслабляет этот их благословенный юг...»

Уже вечерело, хотя по часам, да и по солнцу, казалось, что еще не поздно, но на юге ночь падает сразу. А продолжать поиски в темноте не имело смысла, день ведь и так прошел не зря. Просто еще срабатывала привычка каждое дело доводить до конца. Но Турецкий уже и сам мысленно махнул рукой. Что добавит найденная гильза следствию? Или то же пятно крови? И какая разница, в сущности, от того, что станет известно точно, где застрелили одного из «утопленников»?..

А она расслабляет, эта южная жара, мозги начинают работать медленнее. Но в принципе, Александр Борисович был все же доволен, и его хорошее настроение передалось спутникам...

Плетнев, словно бы отодвинутый Турецким от розыскных мероприятий, в которых Антон считал себя докой – как-никак за плечами довольно продолжительная служба в спецназе, а там тебе и разведка, и поиск, – решил совместить, что называется, приятное с полезным. Речь на утреннем совещании в городской прокуратуре шла о необходимости найти толкового специалиста в компьютерном программировании. А он вспомнил о том, что ему рассказывала та девушка Мила, которая подвозила его на своем мотоцикле и которую он на другой день встретил в компьютерном же интернет-кафе

«Снасть», на набережной. Коротко говоря, из разговоров с ней он понял, что имеет дело с крупной специалисткой из известной московской компании «Яндекс». Как-то и должность ее звучала для него «по-компьютерному», не совсем понятно: кажется, ведущий разработчик отдела коммуникационных сервисов или что-то в этом роде. Для Антона, с довлевшей над ним недавней еще, сугубо военной профессией, тонкие компьютерные технологии были пока темным лесом, но то обстоятельство, что совсем молодая девушка уже является «ведущим разработчиком», необычайно возвышало ее в его глазах. Да, ничего не поделаешь, другое поколение. Нынешние, говорят, чуть ли не с пеленок, с младенческого возраста к компам тянутся. Еще букв не знают, а уже ухитряются давать отпор драконам, злым магам и гномам. Действительно, черт-те что творится!..

Однако, если Мила в самом деле большой специалист, она может здорово помочь следствию разобраться в том, что произошло с электрическими сетями города и почему полностью вырубился свет в ту злополучную ночь, когда и Антон, в частности, прибыл сюда по своим надобностям, – правда, скорее этического, нежели рабочего порядка. Искать и уговаривать Турецкого вернуться домой, в семью – задачка не из приятных, но иного выхода у Антона не было, сам же пообещал Ирине Генриховне, супруге Александра Борисовича, что найдет его и объяснится, погасит в «гордом муже» совершенно идиотскую вспышку ревности. Это уж по-

том стало ясно, после телефонного звонка Меркулова, что придется им еще и поучаствовать в расследовании террористического акта, ибо по признакам именно статьи 205 Уголовного кодекса и было возбуждено дело о терроризме в городе Новороссийске.

Антон уже знал, что отец Милы – уважаемый человек в поселке Цемдолина, что его там отлично знают даже те, кто вступает в конфликты с Законом, уважают как ветерана и вообще фигуру значительную и авторитетную – в прямом, а не в уголовном смысле. Но сам Плетнев никогда бы не решился ехать туда и искать девушку. Договорились ведь, что, если появится желание увидеться, Антон может наведаться в «Снасть» и там спросить у Числительного – такое было «прикольное» имя у хозяина и системного администратора этого заведения, или, попросту, сисадмина, – когда обещала появиться Мила. Она же Спай, то есть Шпионка. У Плетнева голова пухла от этих их «заморочек». Но раз уж ты подписался играть в их молодежные игры, значит, будь любезен. Назови ник девушки, то есть ее компьютерное имя, и тебе ответят, а подлинное ее имя или фамилию никто и не знал. Вон куда шагнули время и вместе с ним весь грешный мир! Кликухи, наборы цифр вместо «традиционных» имени-отчества. Писали ведь уже об этом фантасты всякие, но им не верили. И, выходит, напрасно...

Днем Антон, вместе с двумя оперативниками из городского УВД, назначенными в следственно-оперативную груп-

пу, осуществлял внешнее наблюдение за московским бизнесменом Переверзиным, владельцем одной из крупнейших московских компьютерных компаний. По предварительным выводам, к которым пришли Турецкий с Липняковским, – больше, конечно, Александр Борисович, потому что новороссийский «важняк», несмотря на весь свой «местный» горор, смотрел в рот московскому следователю, – выходило так, что основным «заказчиком» совершенного преступления с отключением электроэнергии мог являться именно этот Переверзин.

Найденные при убитом Коржеве диски с записями телефонных переговоров Куратора с «заказчиком» и «исполнителем», а также дополнительные аудио– и видео-материалы, оставленные на тех же дисках, указывали, что главным действующим лицом в этой уголовно-наказуемой эпопее был все-таки Переверзин. Какие цели он мог преследовать? А здесь, даже по самым приблизительным прикидкам, «пахло» миллиардами рублей. Компьютеризация всей энергосистемы края, в которой были задействованы огромный и, кстати, единственный российский порт на Черном море, нефтяные и цементные терминалы международного класса, крупнейшая и опять-таки единственная, по существу, черноморская курортная здравница России, которая, в связи с развернувшейся кампанией за превращение ее еще и в Олимпийскую зону, потребует гигантских инвестиций, – словом, все, вместе взятое, должно было принести владельцу программы компью-

теризации фантастические доходы. А при таких деньгах никакое преступление не может считаться невозможным. Убивали и по куда более мелким причинам. Досье же на Переверзина, по всем признакам составленное ныне покойным Куратором, являлось настоящей бомбой. Потому и становилось ясно, что охота на предателя велась по всем правилам подлинной войны, и никуда бы он не делся от братков господина московского коммерсанта, осуществившего на деле известную схему «зачистки по цепочке».

Вот поэтому и было принято решение установить за господином Переверзиным плотное наружное наблюдение. А поставить на «прослушку» домашний телефон его матери, к которой он несколько раз ненадолго заезжал как заботливый сынок, не было возможности, – по причине отсутствия такового. Мать Переверзина, Акулина Самсоновна, жила в пригороде, в одноэтажном частном домике, довольно старом и ветхом, что, однако, похоже, не волновало сына, и телефонной связи там не было. Возможно, она пользовалась, как и ее сын, мобильным телефоном. Но получить распечатки переговоров абонентов от оператора сотовой связи можно было лишь по постановлению краевого суда. Липняковский послал судье запрос, но «в крае» еще раздумывали. Нет, они, конечно, дадут разрешение, но... сто раз обговорят, стоит ли связываться с такой личностью, как этот влиятельный олигарх. А может, никакой он вовсе и не влиятельный, и не олигарх никакой, и все разговоры на эту тему – сплошная тупф-

та? Что ж, может быть, но даже самый высокий чиновник в провинции все равно рисковать наобум не станет.

Да, опережая возможные факты противоположного свойства, по Краснодарскому краю уже активно распространялись слухи о том, что Григорий Алексеевич Переверзин является весьма непростой фигурой в столице. Пиар? А если правда? А если программа подготовки к Олимпиаде, бог еще знает какого, двенадцатого, что ли, там года, которую обсуждал с правительством сам Президент, действительно составлена в энергетической ее части по проекту Переверзина? У него ведь имелись, по некоторым сведениям, крепкие и устойчивые связи и в правительстве, и в Государственной думе. Но даже если он и не обладал чисто формально правом неприкосновенности, то это ровным счетом ничего не значило. Такие фигуры государственного масштаба имеют, как правило, все основания рассчитывать на свою неприкосновенность. И если ее нечаянно нарушить, то в первую очередь могут полететь головы инициаторов преследования «высокого лица», а уж затем станут разбираться, кто прав, а кто виноват. Так кто же захочет подставлять свою шею в надежде на то, что потом все равно разберутся? Вот то-то и оно...

Правда, Александр Борисович нынче утром как-то очень спокойно заметил, что этот вопрос – подразумевалась неприкосновенность – не главный, и уж как-нибудь он это дело решит сам, но сомнения у большинства присутствующих на совещании остались.

Антон тоже не очень верил, что с Переверзиным будет легко справиться, и поэтому счел слова Турецкого действием, которое в последнее время частенько определяли словом «популизм». А что, иногда это полезно для придачи сотрудникам большей уверенности. Но от слежения за фигурантом он не отказался.

Практически весь день Плетнев с оперативниками катались за Переверзиным, подменяя друг друга, на разных машинах, чтобы ненароком не «засветиться». В городе массового скопления легкового транспорта не замечалось. И водитель Переверзина – круглоголовый, бритый парень, напоминавший «качка», вполне мог обратить внимание на «хвост». Но, кажется, обошлось.

Григорий Алексеевич выезжал только дважды из центральной гостиницы, где проживал в спаренном люксе. С утра он отправился на окраину – к дому матери, и находился там около двух часов, после чего вернулся в гостиницу. И второй раз, уже после обеда, отправился в мэрию. Как раз в это время на площади перед зданием мэрии проходил стихийный народный митинг. Пожилые в основном люди с самодельными плакатами и растяжками в руках требовали от мэра и вообще от «демократической власти» вернуть им деньги, которые они потеряли за сутки жизни с отключенным электричеством. Ну, их понять можно было, в плане личного бизнеса они большие убытки понесли. Другое дело, из каких средств городская власть сможет оплатить понесен-

ные ими убытки, вот где вопрос.

К митингующим, естественно, никто из представителей городской администрации не вышел, и митинг «рассосался» сам по себе. Причем как-то безнадежно и даже лениво. Никакая милиция тут не появлялась, никто никого не разгонял и не теснил с площади. Скорее всего, по той причине, что утро было жарким и никому не хотелось париться на солнце-пеке посреди обширной площади. Вот как раз ближе к концу этого «несанкционированного массового мероприятия», которое, опять же по слухам, поддержали все партии, кроме партии власти, пообещавшей митингующим «лично» разобраться в происшествии, и «подрулил к мэрии автомобиль Григория Алексеевича Переверзина. И этот симпатичный внешне, подтянутый и стройный, совсем не старый человек с коротким светлым ежиком прически выскочил из машины и, сопровождаемый четырьмя охранниками из подъехавшего следом джипа, быстрым и раскованным, „президентским“, шагом направился к высоким дверям здания.

Еще когда митинговали, пронесся слух, что вот прямо сейчас этот явно крутой мужчина, судя по его целеустремленной походке, наведет порядок и в городе, и среди городских властей. Кто он, не знал, как выяснилось, никто, но сразу почему-то поверили. Митингующие снова принялись «качать» свои права, впрочем, довольно недружно, и выкрикивать угрозы в адрес мэра, заключив свой протест ставшим популярным в эти дни слоганом: «Мэр! Верни украденные

у народа деньги!» – после чего все стали благополучно расходиться. Никаких непредвиденных эксцессов на площади не произошло, солнце к концу собрания «разошлось» не на шутку, и «митинг протеста», организованный городской оппозицией, на этом прекратился.

А господин Переверзин, все той же «целеустремленной» походкой пройдя через час обратно к своему бронированному «мерседесу», ловко впрыгнул в него и укатил в сопровождении черного джипа в гостиницу. Антон оставил там одного из оперативников, попросив быть на связи, если что случится, и отправился наконец по своим делам. То есть на набережную, где располагалось в длинном одноэтажном строении – бывшем когда-то кинотеатре – интернет-кафе «Снасть».

Глава вторая

...И БЫЛ ВЕЧЕР

Турецкий посчитал, что очередная консультация у лечащего врача тете Вале будет просто необходима. Именно по этой причине, выйдя из «Волги» Липняковского, он подождал, пока та уедет, и пересел в свою «несвежую», серую «тойоту», взятую напрокат. И, ни слова не говоря тетке, отправился в больницу. Возможное присутствие Плетнева его не беспокоило и не напрягало. Антон уже был безмерно рад, что Турецкий согласился сотрудничать, а также тому, что его миссия – найти Сашу и объясниться с ним – была вроде бы выполнена. А вообще-то разговора как такового между ними, ввиду отсутствия времени, пока так и не состоялось. И бог с ним. Верить особо Антону он не собирался, как, впрочем, и Ирине, хотя был почти уверен, что до «окончательной» измены у них дело, вероятно, и не дошло. Но разве в этом дело? Как сказано в Библии, «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». И, кстати, чтобы не быть голословным обвинителем, сам не раз убеждался в этом, обращаясь к собственному опыту. Так что оправдываться кому-то перед ним, по большому счету, нет никакой необходимости, сам хорош. Вот и пусть теперь Антон занимается лучше своими делами.

Рабочий день кончился, и каждый – сам по себе. Ну а если ему «приспичит», как говорится, всегда можно будет послать его либо «на», либо «в», пусть сам выбирает то, что ему предпочтительнее.

Александр Борисович «припарковался» около больницы и пошел в кардиологию. И в самое время поспел. Капитолина Сергеевна собиралась запирать кабинет. И настроение у нее, если судить по первому впечатлению, было не самым лучшим. Неприятности по службе? Нет, вряд ли. Тогда что?..

По тому, как она сухо кивнула, хотя рядом никого не было, Турецкий догадался. Ну конечно, пришло утро, и вместе с ним раскаянье... А впрочем, сам виноват. Кто так остроумно, весело и охотно рассказывал о себе? Полагая, что честность и откровенность – лучшая защита от всех неприятностей, подозрений и вообще любых взаимных «недопониманий». Вот и дотрепался, голубчик. Надо срочно менять тактику.

– Привет, – одними губами произнес он с видом заговорщика, – имею сногшибательную новость.

Она спокойно посмотрела на него и кивнула. Слишком спокойно для женщины, которая только что не криком исходила минувшей ночью в его объятьях. И он уже, кажется, догадался почему. А догадавшись, тихонько пропел на мотив известной воровской песни:

– Обложили, суки, обложили, растерзали молодость мою... Ага?

И она снова кивнула с безнадежным видом:

– Ага...

– Плохо дело, – уже нормальным голосом заговорил он. –

А ведь меня никто не спросил. Как думаешь, почему?

– Потому что уверены в справедливости своих слов. Мнений. Советов.

– Смотри-ка, сколько субъективных причин!.. Ну и что? Будем говорить в коридоре?

Лина открыла дверь в свой кабинет.

– Можем и здесь.

– А по-моему, лучше в машине. Можно стоять, можно ехать, можно целоваться, много чего можно.

– Не уверена, что еще можно...

– А давай проверим, – решительно сказал он и потянул ее за руку в коридор, и она, щелкнув замком, как-то неохотно пошла за ним, с сумочкой и тяжелым пластиковым пакетом в руке, который он, естественно, тут же забрал у нее.

Молча вышли на улицу и сели в машину. Турецкий достал из бардачка сигареты и спросил:

– Можно?

Лина неопределенно пожала плечами. Она уже говорила ему накануне, что ей не нравится, что он курит. Не надо это ему, вредно. А сейчас сделала какое-то безразличное движение. Александр смял пачку и выкинул ее в приспущенное окно. Лина усмехнулась.

– И что ты хочешь этим доказать? Что у тебя сильная во-

ля? Я знаю.

– Обложили, обложили... – негромко повторил он.

– Нет, Саша, не обложили. Просто был разговор. С твоей тетей. Она очень беспокоится, что у вас с Ириной может рухнуть семейная жизнь. И я подумала, что, если мы с тобой продолжим наши... скажем так, нечаянные... временные отношения, рухнет не у тебя с твоей женой, а у меня. Причем по-настоящему и – действительно уже все. Давай посмотрим, как взрослые люди. Ну пошутили, поиграли... Ты меня, правду говорю, увлек. Но ты скоро уедешь, и, полагаю, навсегда, а мне здесь жить. И работать. И делать вид, что я с нетерпением жду супруга из далеких морей. И даже не догадываюсь о том, что у него в каждом порту – по «любимой» бабе. Зачем мне это, Саша? Пожалей, а? Я уже и так нагрешила, друг мой, как ты сам заметил, выше крыши.

– Жалеешь... – не спросил, а как бы констатировал Турецкий.

– Ничуть! – тут же горячо воскликнула она. – Я... боюсь.

– Чего?

– Влюбиться в тебя, глупый...

– А вот это я понимаю, – вздохнул он.

– То есть как? – Лина опешила.

– А вот так, – словно припечатал он. – У меня тоже был сегодня момент, когда... Ну, как бы сказать?.. Когда я осознал, что огромная радость от нашей с тобой встречи и... дальнейшего... уже начала перетекать, причем помимо всякой воли,

в потребность, в необходимость постоянно теперь видеть тебя рядом и ощущать... руки вот... щеки, губы... всю тебя... Нет-нет, – заторопился он, словно испугался, что Лина перебьет его и мысль потеряется, – это уже другой уровень отношений. И тут же, как ведро воды на голову: ты что, Турок? Это же не твоя женщина. Тебя просто пожалели. И остановись на этом. Скажи тете спасибо и ложись в кроватку, будь послушным мальчиком, а то мама придет и нашлапает тебя. Ну вот, кажется, все сказал, что хотел...

– Зачем ты ерничаешь? – с тоской в голосе сказала Лина. – Ты ведь сам все понимаешь... Ах, Саша, если ты сейчас скажешь мне: брось все и пойдем со мной, я ведь и в самом деле оставлю и дом, и работу... Но я не советую тебе этого делать, у нас с тобой жизнь в конечном счете может по какой-нибудь случайности и не сложиться так, как очень хотелось бы, а себе ты судьбу поломаешь. Ну и мне – попутно.

Александру стало грустно. И главным образом потому, что, как говорится, по гамбургскому счету, она была права. Долгая любовь, как отмщение мужчины женщине, или наоборот, существовать не может. Почти библейская истина. Однажды ты все равно простишь обидчика своего, и – что дальше?

– Значит, ты не видишь у нас никакой перспективы? – без всякой надежды спросил он.

– Ну, почему же? – она слабо улыбнулась, словно пересиливая себя. – Если мы с тобой твердо решим, что ничего се-

рьезного не допустим, то... Ты мне очень нравишься, и я буду с теплом вспоминать наши встречи. Надеюсь, что и я тебе не была безразлична.

– Ты вчера сказала, когда мы возвращались с трупа... О, Господи, извини за идиотскую ассоциацию! Ну, когда ехали к тетке после обнаружения... тьфу ты, черт! Ты сказала: хоть час, а мой! Дай же и мне такую возможность. Час, сутки или сколько там у нас получится. А потом, – вдруг нашел он стоящий аргумент, – ты же обещала мне помочь с этим Володей! Как-то обследовать его, поговорить с психиатрами... И, если мы с тобой установим между собой китайскую стену, то как же тогда постоянно общаться, а? Вот видишь, к чему могут привести спонтанные и непродуманные решения!

– Господи! – теперь уже взмолилась она. – Ну за что мне такое ненормальное счастье?!

– Кстати, – вспомнил он, – ты не будешь возражать, если я сделаю один телефонный звонок? Это по делу.

– Ну как ты можешь спрашивать? Конечно. Я не помещаю?

– Наоборот, я думаю, лишний раз улыбнешься. Я очень хочу, чтоб ты улыбнулась, а то у меня настроение падает с жуткой скоростью... А поговорить мне надо с одним хорошим человеком, он начальник московского уголовного розыска. И сейчас ты засмеешься: он тоже генерал.

Лина действительно засмеялась: эти бесконечные генералы за какие-то три-четыре дня ее «достали», что ни звонок,

то на проводе очередной генерал!

А Турецкий набрал номер Яковлева.

– Привет, как хорошо, что ты на месте. Это я. Как жив-здоров?

– Саша?! – закричал Яковлев. – Нашелся?! – видно, он был в курсе дел. – А мне твой дружок, Петька Щеткин, говорил, что пропал! Я уж велел было в федеральный розыск тебя объявить, да Меркулов отговорил, мол, сами, своими силами... Так ты сейчас где? Откуда звонишь?

– В смысле, куда меня занесло? – Александр посмотрел на Лину, которая прекрасно слышала каждое произнесенное в телефоне слово, и улыбнулся ей. – Все расскажу, целая одиссея. Я тоже и жив, и здоров, но появилась проблема. Причем очень срочная! Могу поделиться с товарищем?

– Да ты чего спрашиваешь? Конечно! Давай!

– Володя, ты когда «Тихий Дон» в последний раз читал?

– Че-во-о?! – Турецкий наяву увидел, как у генерала отвисла челюсть.

– Я имею в виду роман Шолохова.

– Ну, Саня, знаешь?.. Не помню... Может, в школе еще. А что за проблема-то? Писателя, что ль, какого замочили?

– Не знаю я ничего про писателей, хотя, наверное, не сильно возражал бы. Имея в виду некоторых. – Яковлев громко захохотал, Лина услышала раскатистые волны истинно «генеральского» смеха. А Турецкий продолжил: – Я по другой причине спросил. Напомнить тебе хотел один эпизод. Пото-

му что я тоже давно читал. Думал, ты вспомнишь, но, видно, придется мне. Так вот, есть там один казак, Прохор, кажется, адъютант Гришки Мелехова. Он к станичнице молодой заскочил, когда белая армия отступала. Так было, по-моему. Ну, забежал второпях и спрашивает: есть ли, мол, у тебя? Видать, от Деникина решил на сторону податься, закосить. Слинять. И ему для этого, чтобы все было как бы на законных основаниях, потребовалось срочно где-нибудь триппер подцепить, понимаешь?

Последовала короткая, томительная пауза, после которой Яковлев разразился хохотом. Лина тоже зарыдала, зажимая рот обеими ладошками. Но Турецкий был серьезен, что, естественно, усугубляло ситуацию.

– Так тебе... ой! – захлебывался в Москве Яковлев. – Тебе, Саня, срочно по... потре... бовался?..

– Не торопись и не делай скороспелых выводов! – словно бы сердито перебил генерала Турецкий. – Дослушай сперва эту леденящую душу сагу. Итак, на чем я остановился?

– На три... – снова громким басом захохотал Яковлев, а Лина платочком промокала слезы и вздрагивала, будто от икоты.

– Вот именно. Словом, спросил Прохор, а казачка и отвечает: есть маленько. Понимаешь? Маленько. Прохор и говорит: ну и хорошо, мол, и мне не с воз надо. Это, ты понимаешь, вольный пересказ, не цитирую, сам сто лет роман не читал. Так вот, Володенька, и у меня, как у того Прохора,

срочная, как я уже доложил, нужда объявилась.

– Что, наварить хочешь? – Яковлев не прекращал смеха.

– Нет, малость попроще. Ты про чепе в Новороссийске слышал, надеюсь?

– Да, разумеется. А к тебе какое имеет отношение?

– Пришлось, понимаешь, заняться. Обстоятельства так сложились.

– А триппер-то при чем здесь?!

– Как раз притом! Мучает меня, понимаешь ли...

– Что?! Уже наварил?!

– Вроде того, избавиться хочу. Тут один «трупешник» обнаружился. Собственно, их уже пять, но один неопознанный. И, судя по всему, он из наших клиентов, Володя. Надо бы опознать. При чем экстренно. Не поможешь?

– Уф-ф! С этого б и начинал, а то... Ну артист, Санька! Конечно, помогу, какой разговор? А насколько это у тебя экстренно?

– Вчера, как обычно.

– Да-а, ну, разыграл ты, старина... С меня хороший коньяк.

– Зачем же? Опознаешь, тогда с меня.

– Не возражаю, готовь. Не коньяк, а фотку. Передай, по возможности, сегодня, а сделаем завтра. Если он действительно наш... Ну а сам-то как?

– Будем считать, в порядке. До встречи?

– Будь!

Турецкий сунул трубку в карман и сказал Лине:

– Как доктор ты, я уверен, можешь меня понять. Если бы я поставил вопрос иначе, Володька начал бы канючить, уверять, что у него полная загрузка, что людей нет и прочее. А так – результат налицо, как видишь... Так, и еще один, совсем короткий звонок. – Он снова достал трубку и набрал номер Липняковского. – Витольд Кузьмич, я не спрашиваю у вас ничего, все – назавтра. А сегодня, пожалуйста, отправьте пару фотографий нашего «утопленника», вы знаете какие, в Москву, на Петровку, тридцать восемь, МУР, генералу Яковлеву В.М. без объяснений. Просто укажите свою и мою фамилии. Ответ придет завтра же, я договорился. Отдыхайте...

– А ведь ты в самом деле артист. Он прав, твой генерал.

– Кстати, о генерале... Был, помню, такой анекдот – из периода повсеместного строительства памятников неизвестным солдатам и последующего повального «очернения» нашей социалистической действительности. Откопали полуистлевшие кости давно погибшего солдата, захоронили заново, собрались наши ветераны и устроили торжественное открытие памятника с вечным, естественно, огнем. Тут приближается к могиле седой и важный генерал, преклоняет колена и обращается к духу покойного: «Ну вот, успокоился ли ты наконец, неизвестный солдат?» – и слышит из-под земли: «Яволь, группен-фюрер!»

– Да ну тебя к черту! – Лина, хохоча, стала колотить его по плечу кулачками. – Ну Сашенька, и что ты за человек такой?

Господи, и что нам с тобой делать?..

А вот этот вопрос так и остался без ответа...

Валентина Денисовна встретила их приветливо, будто никакого разговора у нее с доктором днем не было. Она просто внимательно посмотрела на них, чуть искоса, с легкой, почти незаметной усмешкой, и Александр ощутил, как напряглась Лина, – по руке ее почувствовал, которую придерживал под локоть. И сам ринулся в атаку.

– Слушай, тетка, ты прекрасно знаешь, что я тебя люблю. Давно и страстно. И ты что же думаешь, это будет продолжаться постоянно? Шалишь! Вон теперь твой собственный обожатель, – указал он пальцем на Сергея Ивановича, сидевшего на веранде и с интересом наблюдавшего за происходящим. – И потому приказываю, потому как я генерал, а ты только еще будешь подполковницей... А чего приказываю? – Он вопросительно посмотрел на Лину, на тетку. – Ах, ну да, конечно! Не вмешивайся в наши с доктором дела! А то я прикажу, и она перестанет тебя лечить. У нас с моим любимым доктором свои проблемы, которые тебе недоступны в силу... В силу чего? – снова спросил он у Валентины Денисовны.

– В силу того, что ты – прохиндей и басурманин!

– О, в нашем словаре появилось новенькое, – глубокомысленно отметил Турецкий. – Ну да, Турок же, это на поверхности, тетка. Нет, ты не права, я, разумеется, прохиндей и горжусь этим, а Лина Сергеевна – изумительная женщина, в

которую я влюблен со всем пылом юности. В нее влюблен, в тебя влюблен... ой, что творится! Сережа, наливай! Все, больше я ни в кого не влюблен, и закрыли вопрос. Лучше скажи, чем кормить собираешься, а то я увезу твоего доктора на край света, а ресторан, который называется... Сережа, как он называется? Ну, где мы с тобой постоянно отдыхали, пока тетка в больнице прохлаждалась? На Второй, кажется, Припортовой, а? Где «бизнес» ее всю, понимаешь, процветает?

– А-а, ты имеешь в виду «Усладу»?

– Во-во, ее, голубушку. Поедем, наедемся и не заплатим, нанесем серьезный убыток теткинemu «бизнесу», прости господи...

– Все, Сашка, кончай дурить! – уже отсмеявшись, строго сказала Валентина Денисовна. – А ты чего сидишь? – накинулась на будущего супруга. – Приглашай к столу! Вон как давеча под яблоней накрыли. Бизнес мой ему, видишь ли, мешает... – проворчала она, но беззлобно, скорее с насмешкой над собой.

Она еще раз вопросительно взглянула на Капитолину Сергеевну, и та, заметил-таки Турецкий, с легкой усмешкой, успокаивающе кивнула в ответ. И тетка многозначительно вздохнула: дескать, добилась своего, петух прокукарекал, а дальше хоть и не рассветай...

В интернет-кафе «Снасть» все выглядело точно так же,

как и позавчера. Будто двух суток не прошло и Плетнев никуда отсюда не уходил. По-прежнему колыхалась небольшая толпа раскрашенной во все цвета и одетой с немалой выдумкой молодежи, так же стойко торчал у входа, вежливо отесняя пытающихся пролезть в зал, менеджер Скунс, и его ото всюду ласково окликали:

– Скунсик, ну пожалуйста!.. Ну, чего тебе стоит?.. Ты же меня хорошо знаешь!.. Ну Скунсик!..

И так же слышалось в ответ:

– Леди, я попрошу!.. Эй, оголтелый мистер, сдай назад, а то нечаянно упадешь!.. Господа, не напирайте, вы не в спальне!.. Эй, пипл! Отвали!

Толпа продолжала колебаться из стороны в сторону, но Скунс стоял неколебимо. И Плетнев решил воспользоваться приобретенной информацией, ибо другого способа проникнуть в «Снасть» для себя не видел. Он тяжелым танком прошел, раздвигая людей в стороны, и приподнял руку в приветствии:

– Хеллоу, мистер Скунс!

– Я вас знаю, мсье? – спросил менеджер.

– Это ваша прерогатива. А могу ли я получить информацию? Леди Спай уже прибыла? Или ожидается? Я что-то не наблюдаю ее «керосинки». Но, если она еще не прибыла, я бы, наверное, выпил рюмочку коньяка в баре вместе с четыре-пятнадцать-девяносто два-семь, надеюсь, не возражаете? – Он еще вчера запомнил на всякий случай смешной ник

местного системного администратора, которого Мила панибратски называла Числительным, или просто Числом.

– Хай, я узнал вас, мсье... э-э?

– Этого вполне достаточно.

– Тогда она там, мсье, – Скунс показал большим пальцем себе за спину, – если вам назначено.

– Всенепременно, – улыбнулся Плетнев.

– Господа, я попрошу! – менеджер руками словно бы раздвинул напирющую снизу толпу, обеспечивая тем самым проход новому гостю кафе, чем Плетнев и не преминул воспользоваться. Но, проходя мимо менеджера, приостановился и щелкнул легонько указательным пальцем по его бейджику. – Интересный ник. Я, между прочим, относительно недавно... да, пожалуй, пяток лет назад, случайно, познакомился с вашим однофамильцем, так сказать.

– Любопытно, и где? Если это – тема? – заинтересовался менеджер.

– Тема, и еще какая! – грустно усмехнулся Плетнев. – Есть такой городок – Косовска-Митровица, в Сербии, на юге, примерно в ста пятидесяти километрах от Албании. Мы с моим напарником, он был из Абхазии, погиб вскоре, видели скунса в местном зоопарке. Мучился зверек, ему осколком американской бомбы лапу оторвало. Рауль пожалел, да и врача рядом не было, а я не смог, – зверька-то за что?.. А был он родом, кстати сказать, из Северной Америки. Вот так, мистер, каково от своих-то, верно?

– Печальная тема, мсье...

– Да уж чего веселого. Так я пройду?

– Вас, полагаю, ждут, – менеджер не спрашивал, он утверждал.

– Так точно, – подмигнул ему Антон.

Он, конечно, не ожидал, что Мила всерьез обрадуется его появлению, и был приятно удивлен той естественной радостью, с которой она встретила его.

– Вот уж не ожидала! Какой ты молодец! – Но, взглянув ему в глаза, мягко улыбнулась и заметила: – Ты, наверное, здорово устал, да? Досталось?

– Ты знаешь, больше беготни, чем дела. Просто немного умотался. Может, по чашечке кофе с коньячком? И чего-нибудь в клюв бросить? Я сегодня как-то забыл, что надо обедать хоть иногда, – он засмеялся.

– Ну, уж тут не очень пообедаешь, – она охотно поддержала его смех, причем, как ему показалось, даже более чем охотно.

«Неужели ждала?» – подумал он. Да и одета Мила была не как прежде, то есть обошлась без своей, так привычно смотрящейся на ней черной кожи в обтяжку, усеянной блестящими заклепками. И эта, видимо, обычная для нее одежда делала ее больше похожей на озорного, спортивного мальчишку, нежели на красивую девушку. Сегодня она пришла в несколько экстравагантном, фирменном, естественно, джинсовом костюмчике с расклешенной короткой юбкой, корот-

кой светлой блузке, открывающей и живот, и шею, и в серебристых с голубым кроссовках на высоких стройных ножках. Ну просто загляденье, а не девушка!

– Так, может быть, мы тогда откроем для себя какой-нибудь экзотический кабачок на этом побережье? Где можно и отдохнуть немного, и вкусно поесть? Если ты не против.

– Отчего же мне быть против? – словно бы удивилась она. Наверное, подумала, решил Антон, что он – дурак, если не замечает, как она оделась для него? Именно для него, а не кого-то другого. И не на мотоцикле примчалась сюда, а наверняка ехала в автобусе либо на такси. И это не близкое расстояние.

– Ты прямо-таки замечательно выглядишь, удивительно красивая! – с искренней завистью произнес Антон то, что должен был сказать раньше. Поправил положение. И увидел, что попал в самую точку. Ну, какой девушке безразличен подобный комплимент?

Хотя Мила, как она утверждала позавчера, категорически не терпела комплиментов, на этот раз она гордо повела плечами, сама оглядела Плетнева и заметила:

– А мы с тобой действительно очень даже неплохо рядом смотримся. Как считаешь?

Он просиял и почувствовал вдруг такое томление во всем теле, такое сумасшедшее желание немедленно сжать ее в своих объятиях, что даже глаза зажмурил и чуть не заскрипел зубами от напряжения. И услышал ее сдержанное, словно про-

изнесенное тоже сквозь зубы:

– Спокойно, Антоша... Хотя мне в принципе и наплевать, но на нас с тобой все жадно смотрят. А это уже прецедент.

– Ну и пусть завидуют, – довольно громко ответил он и посмотрел на нее влюбленными глазами. – И пускай этот твой «претендент», – нарочно переврал он слово, – только сунется! Без глаза отвалит! Эх, поцеловать бы тебя, да боюсь испортить репутацию!

Она звонко рассмеялась.

– Все! Пошли отсюда! Я знаю куда... Число! Горячий привет! – она взмахнула рукой в сторону «сисадмина-ака», который считал себя самым главным «ака» на всем Черноморском побережье. И постоянно, видимо, подчеркивал это обстоятельство всем своим поведением, включая и необычный ник. Ну правильно, здесь скромностью как-то не пахло. И хорошо, что это так.

Уже подходя с Милой к дверям длинного зала, уставленного столиками с компьютерами и дугообразной стойкой бара, к которому они так и не подошли, Антон почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это ведь Мила обронила фразу, что на них все смотрят, – обычную и ни к чему, собственно, не обязывающую фразу. А оказывается, действительно смотрели. Во всяком случае, один из взглядов Плетнев с ходу просек, несмотря на то что «золотистая» девушка за одним из столиков тотчас спрятала взгляд, отвернувшись, едва он посмотрел на нее.

Ну да, это была та эффектная блондинка в рискованном купальнике, кажется, ее зовут Алисой, которую он застал позавчера и здесь же, и еще раньше – недалеко от дома, где должен был находиться Турецкий. Вернее, его тетка. Антон назвал ее «золотистой рыбкой», что девушке, заметил он, очень понравилось, и, вероятно, она не прочь была бы продолжить нечаянное знакомство, но Плетнева занимали совсем другие заботы, он искал Турецкого и не мог терять время на бесполезный, с его точки зрения, флирт. А вечером, когда Антон встретился с Милой вот здесь, в кафе, «золотистая рыбка» почему-то смотрела на них враждебно. Неужели ревность? Но с чего? И повода-то не было... А потом Миле кто-то проткнул оба колеса мотоцикла и прикрепил к баку записку: «Докторша Си желает тебе приятного вечера». Кто такая эта «докторша Си»? Но Мила ему не ответила, просто нахмурилась слегка, и пришлось Антону помочь ей размонтировать колеса, заклеить камеры и заново накачать. Нет, в самом деле, Мила отнеслась к происшествию без злости, ну, как к случайной неприятности, и – все. Обычный прокол. Хотя что-то ее все-таки задело. Ох уж эти девичьи тайны!

Однако, вспомнив сердитый взгляд «золотистой рыбки», Антон уж подумал было, что виновата тут ревность, и не он ли стал ее причиной? Но, несмотря на многие свои недостатки, о которых Плетнев, разумеется, или знал, или догадывался, избыточным самомнением он, по собственному признанию, не страдал. Правда, подумал он, можно будет при

случае заглянуть в соседний дом, там, на улице Гвардейцев, и поинтересоваться, как бы между прочим, чем он так «насолил» симпатичной блондинке? Или не стоит...

Они снова прошли сквозь шумящую толпу, которая приветствовала Милу традиционным «Хай, Спай!», «Привет, Шпионка!», «Как дела, Спай?» и так далее. Отвечать на все эти крики необходимости не было, и Мила лишь поднимала руку в коротких взмахах, а другой ухватила за крепкий локоть Антона, словно проверяя его на прочность. И ему это было приятно.

– Я ведь так и не спросил тогда, кто такая «докторша Си», которая тебя расстроила? Ну, помнишь, с мотоциклом?

– Обыкновенная девчонка, – нехотя ответила Мила. – Подружка одного моего старого знакомого. Он был когда-то моим учителем в компьютерных делах. Уже тогда стал классным программером. Чуть постарше, правда. На годик-другой. А сейчас вообще, я наблюдаю, самые классные специалисты – молодежь. Быстрее схватывают. И смелости не занимать. Они с техникой – на ты, ничего не боятся и плюют на условности. Такие дела...

– Да, – усмехнулся Антон, – я это тоже заметил. Нам, старикам, далеко до вас, молодых и беспечных. У нас, к сожалению, или к счастью, и сам не знаю, опыт уже имеется. Чаще печальный, чем наоборот.

– Ну вот, застонал дедушка! – засмеялась Мила и, выскокив вперед, перед ним, пошла задом, отступая от него, но

и не отпуская руки. – Хорошо хоть молодых не ругаешь, не скулишь, что раньше и солнце светило ярче, и луна была более полная, и девушки моложе... Нет, правда, чего вас так сразу тянет горевать по прошлому?

– А потому, наверное, что оно было нашим и ничьим другим. Так кажется...

– А ты расскажи мне о своем личном прошлом?

– Не знаю, там было слишком много крови. Чужой. Но и своей хватало. Знаешь, кто такие «дикие гуси»?

– Слыхала, – медленно сказала она, и улыбка на ее лице стала таять. – Вернее, читала. «Солдаты удачи», да? Наемники...

– Они самые. Но только в наших – тех – условиях мы назывались «братской помощью».

– Повидал? – серьезно уже спросила она.

– У-у-у!.. На три жизни хватило бы... Теперь-то уж не государственная тайна... Ангола, Никарагуа, Афганистан, Босния... Это уже известные точки. И много других – и на севере Африки, и на юге России. Вот так, милая моя... Мила. А куда мы идем?

– Есть тут один смешной ресторанчик... – Она вернулась на свое место, справа от него, и, обхватив его опущенную руку, прижалась к ней. – А подробности гостайны не представляют?

– Давно уже нет, – усмехнулся он.

– Расскажешь?

– А ты обещаешь, что будешь потом спать спокойно? – он шутиливо посмотрел на нее.

– А вот этого не могу пообещать, – многозначительно произнесла она, захохотала и, оттолкнув Антона, побежала вперед, сверкая голыми ногами. – Догоняй, уже близко!..

Небольшой ресторанчик в самом конце Припортовой улицы оказался очень уютным, несмотря на то что антураж его условиям элементарного уюта никак не отвечал. Это был большой парусник – может, шхуна, может, бригантина, – вытасченный на берег, подальше от кромки воды, и закрепленный с помощью растяжек, как крепятся обычно спускаемые на воду корабли. На палубу вел узкий трап. В иллюминаторах вдоль борта светились огоньки. Романтично, подумал Плетнев. И внутри тоже было все – под старину. Грубо выскобленные и покрытые лаком столешницы возлежали на стоящих бочках. Сиденья тоже представляли собой бочонки поменьше. В качестве приборов подавались грубые ножи и широкие, трезубые вилки, которыми можно было, наверное, стрелять из подводных ружей. В общем, чудно и странно.

Кормили тут исключительно морепродуктами, в том ассортименте, который мог предложить любой серьезный, даже московский, ресторан. Ну, рыбы разных сортов, другая морская живность типа кальмаров и устриц. Но дело в том, что все они были не замороженные, а предлагались свежими, будто только что выловленные из моря.

А из спиртных напитков, естественно, весь магазинный

набор, однако открывал «карту вин», разумеется, ром с Ямайки. Настоящий, как всерьез, но, старательно пряча усмешку, заявила Мила. И горит синим пламенем, и достает так, что «мама, не горюй!». Последнее замечание особо понравилось Плетневу. Вообще-то говоря, при всем своем нежном и даже, возможно, трогательном отношении к этой девушке, по-настоящему взволновавшей его, он рассчитывал, что сегодня она не будет столь щепетильной и недоступной, как это было во время их прежнего ночного купания.

Заказали какое-то «чумовое» ассорти, куда, по уверению Милы, входило ВСЕ, причем Антон предоставил ей право самой распоряжаться столом, как ей заблагорассудится, отдельно – свежесоленную скумбрию и жареную ставридку, невыносимый запах которой так разволновал Плетнева, что у него едва не начались желудочные судороги. Ну и, естественно, ром! Пиратствовать, так уж по всем правилам!

И пока готовили заказ, Антон решил приоткрыть для себя давно интересующую его тему.

– Я слышал от вашего «сисадмина», – он хмыкнул по поводу своего «независимого» обращения с этим молодежным сленгом, – что ты, по существу, высококлассный, как он заметил, «программер». То есть сплошной супер. Это что, в самом деле?

– А почему это тебя так волнует? – Мила подняла брови «домиками».

– С удовольствием отвечу. Я ведь сюда прибыл с совер-

шенно определенным заданием: отыскать Сашку.

– Я знаю, ты говорил, и напрасно отказался от моей помощи. С мобильной связью, я имею в виду.

– Ты только не обижайся. Ну, во-первых, я его нашел на другой же день, и уже вчера и сегодня мы с ним работали рука об руку...

– Помирились?

Антон вспомнил, что рассказывал Миле о причине размолвки с Турецким, приведшей к таким вот последствиям. Да, рассказал, больше под влиянием момента, чем для собственного оправдания.

– Не то чтоб... Но... Объяснимся, он поймет. Уже понимает. Что-то я попытался объяснить, а что-то и он сам уже понял. Не в этом теперь суть. А получилось так, что одно мое дело поневоле и как-то плавно перетекло во второе. Из Москвы поступила команда срочно помочь местным следственным органам разобраться с той диверсией, которая произошла в электрических сетях вашего города. То, что диверсия, уже не обсуждается, потому что за эти два дня мы уже насчитали пять трупов, представляешь?

– Ничего себе! – Мила по-мальчишески присвистнула. – И молчат! Ничего не сообщают! Как понимать?

– А вот так и понимать, милая моя, что работает следственно-оперативная группа, и возглавляет ее, по существу, недавний первый помощник генерального прокурора страны. Который не мог за год, прошедший после его ранения,

растерять ни мастерства, ни прыти, заявляю ответственно. Не фунт изюма!

– Уж это точно! – хмыкнула она. – И долго будете работать? Ну, с изюмом-то?

– Ах ты язвочка, – засмеялся Плетнев. – Наверное, свою часть работы мы сделаем скоро, несколько дней еще потребуется. Но есть одна серьезная закавыка.

– Это какая? – уже с интересом спросила девушка.

– Думаю, такая, разобраться в которой может помочь только одна очень мне симпатичная девушка, дочка известного в городе Слона.

– Это ты про кого? – наивно спросила Мила.

– Это я про тебя, дорогая моя, – засмеялся Антон. – Вот послушай, что скажу... А чего нам так долго не несут? Я же собственной слюной захлебнусь!

– Сейчас, не волнуйся, рассказывай, мне интересно!

– Ты понимаешь, – становясь серьезным, начал Плетнев, – следствие очутилось в совершенно непонятной ситуации. Произошла ошибка, которой реально не существует. Ты можешь себе представить?

– Интересно. Очень интересно! Ну-ну?

– Приглашенные откуда-то местными товарищами эксперты внимательно, как они говорили, просмотрели всю программу компьютеризации... Это из-за нее якобы произошел сбой, после чего и началось веерное отключение. Такой случай и у нас, в Москве, уже был, когда из-за пожара целый

городской район вырубился. Да ты сама знаешь.

– Естественно, в Южном округе. Но там причина – на тарелочке. А здесь что?

– Вот то-то и оно, что непонятно что. Короче говоря, ничего не было, но тем не менее было. И операторы там, разработчики – под следствием. Один даже арестован. Статья – диверсия. А никаких доказательств – ни за, ни против – у нас нет. Вот я и подумал, что, наверное, здесь нужен совсем посторонний, объективный специалист, который взглянул бы на это дело непредвзятыми глазами.

– Ага, и ты немедленно вспомнил обо мне и решил, что я – подходящая кандидатура уже по той причине, что мой папа – ветеран цементного производства? – В голосе девушки слышалась откровенная ирония.

– Не хочу врать, и поэтому тоже. Тоже, понимаешь? Но главное – в другом. Ты же программист. Тебя похвалил этот «сисадмин-ака» со своей дурацкой эспаньолкой, а потом я почему-то тебе верю. Тут ведь нужны не только знания, но и смелость.

– Это в каком смысле?

– В человеческом. Не могу забыть, перед глазами стоит, как ты мотоцикл свой вздыбила! Просто чудо! Вот где характер!

– Да?.. – она странным взглядом посмотрела на Антона, лукаво усмехнулась и вдруг решительно тряхнула головой, взвихрив свои волосы веером вокруг головы, – это у нее здо-

рово получалось. Ничуть не хуже, чем она умела взнуздывать своего железного коня. – А что, давай попробуем? Только захотите ли вы меня позвать? Кто я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.